

ЫШШOODNA

антупериодическое антукommerческое издание газетного тона/ выпуск пятъ (пяты)/ март 2016/ тираж - 99 экземпляров/ распространяется безусловно (цена назначается читателем)/ редакторку Выпуска - мария Вильковская и рудъ дженрбекова/

Татьяна Антошина. Олимпус. Из серии «Музей женщины». 1997.
(с разрешения автора)

ОТ СОСТАВИТЕЛЯИИЦ. ПРЕДИСЛОВИЕ

Кураторские компетенции можно оценивать, например, по способности предложить такую тему для коллективного проекта, обращение к которой с высокой вероятностью представит актуальные проблемы современности в некотором заостренном, по возможности неожиданном ракурсе. Однако в нашем географическом секторе культурного потребления ведь нет никакой такой современности с ее актуальными проблемами, не так ли? Такова наша центральноазиатская специфика. Стало быть, мы можем позволить себе предлагать коллегам темы вполне абстрактные, пригодные для игры в «Голубую Корову» — такие как, допустим, «Жизнь», «Смерть», «Любовь» или «Поэзия». В нашем условном Багдаде можно спокойно заниматься высокими материями. Гарантированные свыше стабильность, единство и процветание дают нам удивительную возможность сосредоточиться на вечных вопросах чистой

литературы. Похоже, мы настолько обогнали в своем развитии загнивающие страны Севера, Запада, Юга и Востока, что можем, наконец, отвлечься от какого бы то ни было идеологического контекста и просто написать о самих себе в абсолютно нейтральном ключе, как о пишущих млекопитающих, о материальных телах, объективно состоящих из соленой воды и углекислого газа. Что пишут о себе тела? Мы знаем, что *если ты пишешь о боли — тебе не верят, / о счастье — не верят тем более, / надо писать о руке*. Вот о руке никто не запретит нам писать, тут уж извините. Мы это твердо знаем. Правда, *вот тело — оно не знает, все время чего-то хочет, болит и плачет*. Даже сама эта несчастная рука, с помощью которой о которой можно и нужно писать, не всегда соответствует официально установленным стандартам: у кого-то всегда *слишком смуглые руки. Слишком темные пальцы*. А у кого-то и вообще нет никаких рук. *Есть ли у тебя руки? У меня уже нет —*

+ 2

видишь, это пальцы, это — ладони, вот — локти. Незнание рук не освобождает от обязанности писать, главное — чтоб проблематика оставалась конкретной, фактографической, частной, даже можно сказать — комнатной, шкафной, как бы не выходящей за рамки спальни или той душевой кабины, где мы приватным образом рассматриваем части наших проштампованных ни капли не классических тел, органы, пригодные к письму или вовсе уже ни к чему не пригодные. Мы конечно собираем кое-какой архив своего телесного диссидентства, но это ведь никого не касается, да и кто станет смотреть твой архив / одна профанация. Вот и хорошо, что никто не станет смотреть, нам же спокойнее в нашем Багдаде. Да и все равно там ничего не увидишь толком. Ну иной раз руку эту самую увидишь или еще какие члены в проеме ног хозяина. Или внезапно мы бываем там нежны друг с другом, водится такой *необязательный грех*. Но вода нежности сей герметически заперта внутри, мы можем лишь *изнывать от нежности, переполняющей нутро, выходящей через кончики пальцев / прикоснуться к руке*, при этом на коже водяных капель так мало, что внешне мы почти такие же сухие и строгие, как и сколоченное из фанеры бюрократическое тело патриархата. Ведь мы его священные паразиты. Станным образом промеж почти несуществующих нас возникает почти *несуществующая нежность / как когда мы просто лежали рядом / соприкасаясь боками тел как тюлени / выброшенные из моря смерти на сушу*. Такое тело, выброшенное из морей смерти и социума в сухой остаток голой жизни, *покуда оно не в земле, не в земле, / не в глине и пепле, а в кабале*, создано клеймом своего молчания и бесправия. Его рельефное положение прописано в виде печатей, резолюций, начальственных подписей, государственных символов, штрихкодов и прочих священных татуировок на коже — их уже не сотрешь. Больным не поможешь, невидимых не разглядишь, заклеенных не расклеишь, *всегда не хватает сил или взгляда дотянуться до тел, полных боли*, да и как разобраться кто кому причиняет боль? Возможно, это просто *новое знание жжется*, или же это *маленькие объекты входят под кожу*, какие-то иглы или другие медицинские инструменты, *ведь рано или поздно ты прокалываешь себе кожу / и узнаешь как это на вкус*, и в результате какой такой евхаристии *вино стало соленым у меня в стакане*. Нарушенная герметичность священного тела парии, как нарушенное табу, утраченная невинность, разбитое стекло молчания, рнящее, открывающее взорам

кровь без утайки, кровь как простое следствие их тела, без сакрализации и демонизации, без символического преувеличения. В общем, ничего особенного в этой нашей влажной интимной реальности нет. Можно спокойно проходить мимо. На вкус она напоминает, как уже было сказано, вино с минералкой, *как кровь на прикушенных губах*, в общем, никакого нового знания мы не обнаруживаем: как ни крути, *кровь красная, вода мокрая*. Эти тривиальные факты были известны задолго до нас и находят регулярное подтверждение у нас под носом начиная с детства: *у матери кровь хлещет из разбитого носа*. Не иначе как он *колотил ее ослепленный яростью, ревностью, весенним солнцем*. Однако же я плохо вижу *пятна крови на боку / очки остались в комнате. Нельзя с таким зрением рожать — ослепнешь! Как будто внутри меня копаются горячие чужие руки*, чтобы присвоить звание члена общества или вагины общества, в противном случае жизнь превращается в *аттракцион под названием кто круче наебёт государство и психиатров*. Посреди этого аттракциона ты занимаешь шаткие позиции *в третьем измерении, между батареей и балконной дверью в своей стране третьего мира, и да, цитаты прикрывают страх и смущение, те же, что при попытке сказать: я тебя люблю, и точно так же, как мужчины бояться могут — сикаться во сне*, так и ты можешь и будешь *теперь всю жизнь бояться*, потому что мир хочет чтобы тебя не было, и как *только ты рождаешься они тебе говорят, что ты вообще-то даже не тот для кого сделали этот мир, хотя они почти совсем такие же как вы, разве что отличаются самую малость*. И как ни старайся, *твоя речь будет для них странной пустотой*.

+ 3

Луда Юсупова

СССР

советские женщины верят что при первой беременности нельзя делать аборт
советские женщины верят что надо обязательно родить до двадцати пяти
советские женщины знают что надо выйти замуж до двадцати пяти
поэтому возникаешь ты
ты возникаешь
в СССР

и как только ты рождаешься они тебе говорят
а теперь ты будущая мать
какие-то педофилы тебя преследуют на улице
трогают тебя в троллейбусе
главное пережить детство
и вот первая беременность и ты делаешь аборт
как хорошо
какая свобода
и СССР рухнет
как хорошо
какая свобода

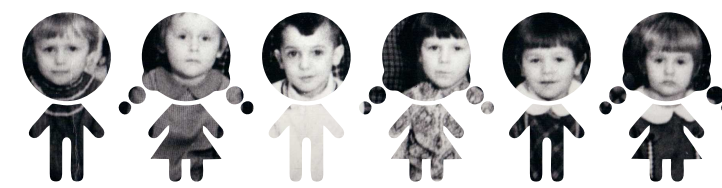
ДЕВОЧКОУ

кто-то родился девочкой в каком-то странном советском году
в маленьком городе где холодно все холодные
кормятся серыми макаронами и тушеной соленой капустой
с потолков свисают белые лампы-шары на длинных стеблях
за окном очень темно но неожиданно очень вкусными оказываются бублики с маком если их есть на морозе по дороге из детского сада
любви нет нигде и ты это откуда-то знаешь и конечно не ждешь
в пять лет на улице Карла-Маркса и ты всегда будешь помнить белый свет облачного неба невысокие зеленые кусты с жесткими листочками круг на земле ножичек в руке узнаешь что ты вообще-то даже не тот для кого сделали этот мир

Я РЕШИЛА СТАТЬ ДЕВОЧКОУ

я решила стать девочкой
в июле
у автобусной остановки
мальчик из оранжевого дома
посмотрел на меня и окаменел
посреди песчаной дороги
у которой
в ярко-зеленой траве
я однажды нашла сладчайшую землянику

дома я смотрела в мутное зеркало на комод
затянула потуже волосы
глаза сузились
затянула потуже пояс на платье
талия стала тоньше
значит я красивая
я буду девочкой
чтобы меня любили

+ 4

Аделъ Кулъка (Галу-Dана Зунгер)

ИЗ ПОЭМЫ «ВСЁ ЧТО ЕСТЬ ХОРОШЕГО В МУЖЧИНАХ» (1985)

А.К.

никогда бы не поверила,
 что займусь этим проклятым женским вопросом
 Фрида Браун к нам едет на каждое Первое мая
 из Австралии едет на Красную площадь
 так что без салата Оливье с докторской колбаской а также без Фриды
 нельзя и помыслить про Первое мая
 и честно сказать у меня например телевизора нету
 так Фрида глядит на меня и со стенки
 и вообще в каждой встречной гражданке провижу я Фриду
 ведь она феминистка
 а помните Фриду из 49 квартиры
 тоже можно сказать боролась за ваши права
 знавала я Фриду одну страшнее всех смертных грехов ее внешность
 была и что же
 любовника бросила здесь
 ненормального и уехала в Мюнхен
 что-то в имени этом порочное есть и должно быть
 несносное уху мужскому
 Что же до меня, то мне девочки нравятся больше.
 Правда, в гетеросексуальных отношениях присутствие
 смерти сильнее.

А до чего же она все-таки на лошадь похожа!

.....

О, моя дорогая утопленница!
 О, твоя дорогая утопленница!
 оплывающая, это свеча — оплывающая,
 нет, это не ты — оплывающая.
 Это свеча — оплывающая. Оплывает
 на блюде.
 Она, м.б., жизнь, она противится моим удивлениям.
 Истаивающая, это свеча — истаивающая,
 это, не я, не я!
 Дверь и половица, дверь и половица — что ты, что ты!
 Есть ли у тебя руки? У меня уже нет —
 видишь, это пальцы, это — ладони, вот — локти.
 А это — плечи.

P.S. Вот так живешь между тем и этим,
 и ближе всего наши слезы.
 Это предпочтительнее, чем то,
 а ближе всего /к глазам, я имею в виду/
 наши слезы.

а самое лучшее что в них есть
 это то что
 слово мужчина женского рода
 и пожалуй
 они почти совсем такие же как вы
 разве что отличаются самую малость.

+ 5

Евгения Риц

Она раскрывает пудреницу, трогает колпачок,
 Я теряю сознание или вообще живу,
 Шоколад и асфальт плавятся, но не в равной
 мере,
 Петля распускается, и стрелка бежит по
 кружеву,
 Но никому — по вере.

Это время внушило нам жертвенность или нет,
 Это время вернуло мужчинам и женщинам
 Нежный феминный крой.
 Я плачú своей кровью, и там, где пробит билет,
 Через дырочку вижу, что каждый из нас второй.

Прямо в коже живёт моё существо,
 Покуда время ещё его.
 Оно боится, боится, и бо-
 Лее ему не за что говорить «спасибо».
 Оно везёт себя в транспорте,
 Кладёт себя на
 Нижнюю полку,
 Перебирает полу-
 Забытые имена.
 У него было вчера — яркое и цветное,
 Когда каждое утро оно просыпалось,
 А теперь словно что-то просыпалось
 Между ним и его спиною.
 Потом была школа, потом институт,
 Потом оно вышло замуж
 И теперь знает, откуда берутся,
 Но не знает, куда растут.
 У него якобы кризис,
 Как бы внутренняя пустота,
 И правая половина рта
 Не знает, что левая говорит.
 И тварный состав его не везёт, не везёт,
 Покуда оно не в земле, не в земле,
 Не в глине и пепле, а в кабале
 По самый не свой живот.

Татьяна Мосеева

Ох, Галя-Галя,
 На кого меня оставила
 Уехала безумная в Батуми
 Все так легко так четко так легко
 Как будто нет цепей
 От ног к родному дому

Как будто нет ветвей
 От рук к земле московской
 И площадям ее воспетым

Как будто без тебя летит Гагарин
 Ты говоришь ему: «хозяин-барин»
 Как будто нет корней к метро коньково
 И на прощанье не сказав ни слова

Спрашивается, откуда брови у тебя
 Словно две водомерки

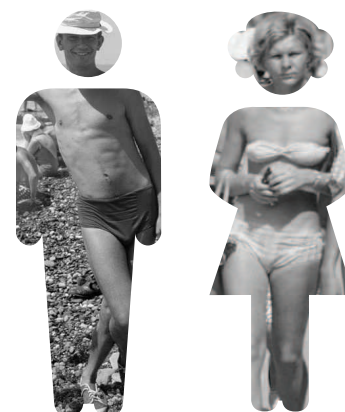
Я не хочу узнавать, как оно в жизни было твоей
 До тридевятых колен

Пока ты продвигаешь софт,
 Я ночами смотрю софт порн

Выворачиваю карманы: вот
 Мечты лопнули, как попкорн

Здесь ключ от квартиры и
 Ключ от велосипеда, ключ
 От домофона и от машины,

Здесь ключ, заводящий пружину,
 Внутри — с профилем на зубцах

+ 6

Елена Георгиевская

ГРЯЗНАЯ ЛУЖА ЯЗЫКОВОГО БАРЬЕРА

1.

Научись говорить, чтоб тебя не услышали. Вся страна изъясняется жестами, пять процентов запомнили слово «дискурс», а лучше стать одной минус ноль пятой процента и без всякого «дискурса» отсекают непохожих.

Твоя речь будет для них странной пустотой. Микрограмм пустоты — и они исчезнут. (Ну, подумаешь, потом вернутся и убьют. Могут и не убить.)

2.

И на той стороне то же правило:
не бери чужое, не приручай чужое, не говори с чужим.

Речь перестала приносить деньги, и мужчины превратились в животных. Глухонемыми они были раньше — стоит увидеть женщину, парень становится глухонемым: делает вид, что слышит её (не слышит), повторяет одну и ту же чепуху, как инвалид, зазубривший кодовые выражения, чтобы косить под здорового. И при этом они рассуждают, что женщина любит ушами — вот эту проштемпелёванную чушь она любит, повторённую глухонемым? А теперь они просто животные, кроме гибридных видов, типа, надо учить отзываться на кличку, подкармливать, на всякий случай носить с собой газовый баллончик. Наверное, нами движет спесицизм, и мы неправы, сравнивая их со всеми животными сразу, и в их немоте кроется новый язык, но они не дают возможности понять, какой именно.

3.

Поздно утром влезаю в проклятую сеть, вдруг там что о литературе.
А там усатый еврейский дедушка хвалится, что умеет сказать комплимент малопривлекательной бабушке.
Непонятно, зачем ему спать с женщинами, которых он считает страшными. Возраст не тот, чтобы собирать пьяную коллекцию. Или нестрашные недоступны — он возразит: ну что вы! — или на самом деле ему нравятся усатые еврейские бабушки, а не современный канон красоты, но признаться в таком не почётно. Я даже и спорить не стану.
Слова, которыми он одаривает баб, пыльные и пустые, как чехлы для мебели, которая сгорела, а другой такой же не найти, сняли с производства; неслова.

4.

Их голоса не идут дальше самообмана.
И они настолько непонятливы, что восклицают: «Такое может говорить только лесбиянка!»
В лесбиянках записали всех, кто не бежит за ними с тряпкой, вытирая каждый их плевков.
В лесбиянках нет ничего плохого — для кого-то другого. Но вообще, если перефразировать Анну Горенко, «мама, лишь бы не стать лесбиянкой». Или, может быть, лучше бы стать лесбиянкой, чем бывшей подругой поэта, повесившегося на потолочной балке, бывшей любовницей сотрудника журнала «Плейбой», литовского бизнесмена и владельца новостного портала, где выпускающие редакторы красят ногти вместо того, чтобы вычитывать интервью.
«Мама, лишь бы не стать женой», — думала красивая девочка, читающая по-немецки. Она тогда не знала, что Леонгард привёл отрывки из книги, лежащей у неё на коленях, в качестве иллюстрации невроза ожидания.
Иоганн Пауль Рихтер расскажет нам, как живёт жена — примерно как твоя мать, как моя, как любая с печатью в паспорте, круглый год или день в неделю: адвоката для бедных бесил шорох метлы, он кричал на жену — она стала мести потише, но его всё по-прежнему раздражало; она перестала мести и готовить, пока он сидит в кабинете, но всё безнадежно — «Не стучи башмаками, не греми сковородками, не поднимайся по лестнице». О чём вы, какой в те времена развод? Она что-то говорила ему, кажется, почти ничего. Да мы все почти ничего не говорим, как им кажется.

+ 7

Анна Горенко, 1999 год:

жизнь обернулась как слабый исколотый миф
чёрные бабочки грудью садятся на риф
и как в янтарь неизбежно врастают в коралл
ты не спасёшь меня ты это сразу сказал

5.

Все их жесты сводятся к этой последней строке.
И даже девушка в рваных джинсах с красным цветком в волосах будет смотреть в грязную лужу языкового барьера.
«Твои стихи меня убили», — говорит ей юноша.
«Как они могли убить тебя, придурок, если ты ничего не понял».
Может, его убили рваные джинсы, красный цветок в волосах или собственное непонимание.
А ты всё равно учись.
И когда с потолка польётся грязь, достаточно будет микрограмма пустоты в вену.

Луна Иванова (Полина Андрукович)

....
вспоминание лежит на крышах
городских и на коленях,
сегодня день среды
и на неделе
нет праздников, я подожду
воды тебе подать
или руки,
чтоб не смутился ты своим
теплом и телом
своим остался
живым, живущим
без ожиданий. на ветерке
раскачиваются
живые тени
и, длинные, мотают
твой «срок»... ты осуждён
(не ими, — мною) не знать себя...

камней, глины, песка, воды
необязательна
вокруг нас.
не только воздух — пустота
необязательна.
вокруг нас
мы не грешнее Космоса
мы не грешнее звезды
мы не грешнее чёрных дыр
мы как их пыль
необязательная
необязательный грех...
и чуть меньше.

....
П. П.

постепенно яснее:
Земля грешнее нас
с тобой.
над нами земля
вокруг нас земля
под нами земля
земля часть Земли
камень часть Земли
песок часть Земли и т.д. —

....
сумасшедшее слово
блэклой пожухлой земли:
где у ней Космос? —
внизу, внизу. Прекращается,
тает.
знает кошка, чьё
слово дали:
уснувшие в крови моей врачи
пробуждаются и
внутри солнце чуть греет
лобное место, лобок,
разрешить, разрушить казнь:
с оказией наравне,
бог. и
смыслы слов.

большая нет большая часть земли,

Дарья Серенко

1

Айседора Дункан устраивала балетную школу наподобие коммуны, там девочки жили вместе в одной комнате, танцевали синхронно, ели в одно время, носили одинаковые танцевальные костюмы (светлая униформа легкости и труда), а их менструальные циклы постепенно сближались и совпадали; всем становилось труднее двигаться примерно в одно время. Многие не знают, как сильно менструация влияет на пластику танцующей: внутренняя поверхность бедер становится чувствительнее и тяжелее, наклоняться и прогибаться тело не склонно, становится тверже осанка, ритм движений срывающийся, недомогающий, музыка может раздражать и идти вразрез с внутриутробными отслоениями, у которых иная музыкальная самоорганизация, ноги взлетают ниже, чем обычно, живот превращается из зоны, скрываемой руками и вращениями, в зону сосредоточенного влияния: живот, уходящий вглубь себя, — сосредоточие страдания и движения (словно бы дерево вырывают с корнем), ты как бы расходишься от него болезненными лучами. Менструация для академической танцовщицы — естественный путь к авангардному танцу, репетиция сбоя системы, когда ты боишься в прыжке с развернутыми ногами окропить зрителя кровью и испачкать всё это своё нежное-кружевное-червивое-ленточное. Стыд, деформация, преодоление — вот что я бы хотела увидеть. Я бы основала такой театр танца, где женщины выходили бы танцевать только во время менструации, в белоснежных трико они бы выходили, без всяких средств защиты от собственной крови: они танцевали бы так, как им велит их тело, не стыдясь, эти женщины-холсты; не скрывая прекрасные пятна крови, фиксирующие складку танца. Кровь без утайки, кровь как простое следствие их тела, без сакрализации и демонизации, без символического преувеличения, без вытеснения женского тела в область воображаемого, где нет места идентичности и здоровью; кровь как настоящее время, как повод танцевать и находиться здесь-и-сейчас-в-этом-теле-моём.

там была Ева Штольц, в этом аду, и никто у неё не отнимет право сказать раскрепощённо, по-женски: я так устала от оргий, от полифонии, от маленьких заговорщиков спящих друг с другом только затем чтоб обсудить в безопасности план действий

наутро декодировать поцелуи в душевой кабине под надзором уродливой женщины голый но вооруженной (они даже моются словно стоят под огнем) синхронно намыливают промежности и если смерть застанет их в этот момент не дрогнет никто, не прикроется грубой рукой

под дефлорацией они подразумевают что-то такое что связано с языком власти на котором они молчат владеют которым бегло и варварски, нет никого кто не смог постоять за себя, кто остался цел: речь о родине как вывешенная простыня после брачной ночи как белый флаг на глазах у всех: деревьев ангелов лидеров

в нестрашное адажио кто на руки возьмет кто устрицу бумажную ко рту преподнесет тому мы скажем — все равны у нас в кордебалете и вес у нас один на всех и даже время сна инфекции и поцелуи нам запрещено нам разрешено нам страшно нам весна

1

Частности пока не утрачивают своего значения, масштабы внимания к вещам достаточно странны (нарушены?). Все — равновелико. И раб, и царь, и червь, и бог. Я смотрю на щурящихся людей, и мне хочется подойти к ним и с закрытыми глазами ощупать руками их лица, чтобы запомнить. До смешного трагический августовский жест. Едва я сделала операцию, как тут же насовсем переоделась и почти сразу же полюбила человека. Я еще помню, что для меня слепота и девственность — сестры (тяжесть и нежность), вообще зрение с детства было внушено как неразрывно связанное с деторождением («нельзя с таким зрением рожать — ослепнешь!»). И танцевать. А уж, наверное, рожать, танцую, — это вообще. Я воображала, как произвожу на свет ребенка и ни разу его не вижу, как будто передала ему свои глаза («а глаза-то мамыны!»). Сейчас я смотрю на всех, кого я люблю, и не понимаю, как преодолеть зазор между остротой физического зрения и умозрительными представлениями об этих людях, которые достаточно смутны. Остается избыток, на котором я концентрируюсь как на зрелище, а остальное (реальное) теряю из виду. Как была слепой, так и осталась, не знаю, как справляются стопроцентные люди со своим одиночеством.

Оксана Васякина

ЖЕНСКАЯ ПРОЗА

Как вокруг моей Кати вьются сосунки, я вижу. Надеваю доспехи, надеваю сапоги, И иду, чувствуя запах их молодых ладоней и немых волос.

Парни трутся у подъезда, распускают павлиньи хвосты. Они говорят, смотри, Катя, как мы тебя полюбили, отдайся нам, Катя, мы будем тебя блюсти, чтоб ни один дракон Не тронул огнем твои нежные усики над губами.

Я возвращаюсь. Я чувствую запах пота чужих пацанов. Вынимаю из каждого Тонкие кости и выкладываю тропу через болото, Чтобы ты, Катя, могла по ней пройти и не запачкать платья.

Чтобы я на том берегу показала тебе свою красивую грудь И сказала: смотри, какие розовые у меня соски, потрогай.

+ 10

Прежде чем стать вином, Иисусова кровь прошла долгий путь.
От святых ран до метафорического изображения виноградной давилки на витражах
и стенах госпиталей.

Я не пью вина чистым,
не хватает сил вынести концентрации святости,
разбавляю газировкой, так легче вкушать.
До 23:00 остается 10 минут, мы берем бутылку красного и воду.
Дома выясняется, что вода минеральная.
Вино стало соленым у меня в стакане.
Соленым как кровь. Все обращается вспять.
НС читает: нет, ничего нет нет нет нет, ничего нет.
Давно уже мертв семейный наш виноград, читает ГР.
И утром мне хочется написать какое-нибудь молекулярное стихотворение в духе новой
искренности, про то,
что когда мы устанем ласкать друг друга, и наши тела наконец разъединятся , нам ничего
не останется, кроме как узнать, что такое время.

Но я не могу написать такое стихотворение,
потому что эта история принадлежит старшему поколению.
И я не то чтобы не имею права подражать и наследовать,
Я не вижу смысла в таких стихотворениях сегодня.
но в голове у меня так и мечутся строчки типа:
моя ласковая девочка, когда ты улыбаешься... и так далее.
А еще про то, что она не знает, что кругом вместо вина одна соленая кровь
и про то, что если будет война ,я не смогу ее защитить,
потому что сейчас никто никого не может защитить,
потому что цикл закончился.
А потом я ей говорю, что если что-то совсем страшное случится с ней или со мной,
нам не отдадут тел, потому что мы юридически друг другу никем не являемся.
Но это уже другие стихи.
И тогда я говорю ей, давай заведем собаку из приюта, слепую или хромую, она будет нас любить
и ласковая,

Она отвечает, что не хочет никого жалеть кроме меня и себя,
любить из жалости она тоже не хочет,
она хочет здоровую псину, дурную и жизнерадостную,
и тогда я представляю этих животных и людей в приютах.
И говорю про себя: все они – тело христово, к ним прикоснешься и станешь
живым и чистым.

Но всегда не хватает сил или взгляда дотянуться до тел, полных боли.
И одна боль вокруг
боль
боль
боль

Стоит выбор: вылечить зуб или поехать в Париж.
Париж, чтобы зуб не переставал болеть
И напоминал о слепой собаке, которой мы так и не причастились.
КГ говорит мне: хватит уже гнать свою социалочку,
давай сделаем выставку, на которой никто никого не станет спасать,
наоборот, всем покажем, как им нравится, что другие страдают,
пора уже вывести это наружу, все обожают, когда других нужно спасть.
Будем пить вино из красивых бокалов, а витринах будут лежать инвалидные гастарбайтеры и
бомжи, старики, калеки,
Будем любоваться всем этим и наконец признаемся себе в том, что пока другие страдают,
мы можем пить вино.

Можем спасать где и кого угодно.
А вот когда некого будет спасать, тебе придется пойти к стоматологу.

Я открываю глаза, насколько хватает глаз – вода,
И я, по горло в ней, насколько хватает рук, стараюсь нащупать другого.
Но, как на свадебном конкурсе, в котором жениху завязывают глаза и просят его
выбрать из предоставленных ног в капроне невестины,
Натыкаюсь на испещренные ледяной крошкой члены,

+ 11

Они не продолжают телом, а безвольно передвигаются в гуще
Крови, обошедшей в своем превращении вино.
От того ли, что слабость не дает мне делать шаг по горло в крови
Или от того, что всех нас
Друг у друга нет,
Я стою в теле ветхой лозы
И терплю, зажав зубы и рот.

Ануар Дуйсенбинов

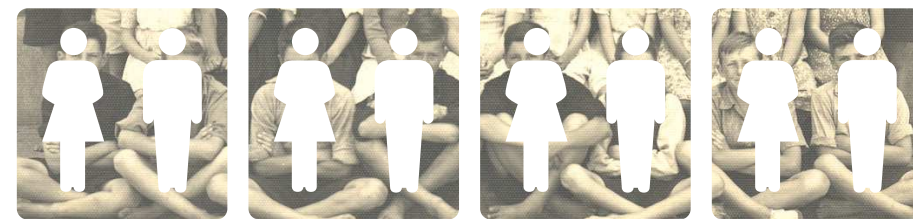
SUN HARMONICS

ты знаешь если бы не все эти
перверсии в преддверии весны
той самой когда лед сходил
с тебя неделей раньше
чем он сходил с ишима
где был бы я сегодня
где был бы ты
бултых
ушла бутылка
я цокнул раздраженно
ребенок ты
ты гребанный ребенок
как и я
меня калечили нейтралитетом
а тебя любовьюю

я был бы тем прозрачным существом
что отводило от меня глаза
вчера в автобусе
а я смотрел упрямо
я думал покажись
впусти меня не бойся я же свой
смотри какое утро
теснота
я от тебя неотличим и вместе
мы никто
развозят нас по графикам
дедлайнам
счетом и лагерям
по добровольным тюрьмам
по фабрикам производящим нищету
смотри как сжался бедный хмурый школьник
между красивых тучных сытых тел
отъевшихся бухгалтерш и врачей
и все они красивы как один
и я и школьник и бухгалтерша и врач
и ты послушай же смотри в мое лицо
ты так красив как не бывают люди
быстрее мне сходить моя аялдама и тут
во мне бы что-то дернулось как будто
внутри меня копаются горячие чужие руки
как будто ищут провода и гнезда
шлейфы порты платы микросхемы
их с силой рвут и тянут из меня
как будто
в том страшном сне

где целый месяц
я не смотрю свой новый телевизор
я вдруг почувствую что стало жарко
нечто
давно забытое мной больно застучало
в груди и отдается в венах
в висках мне больно нет не надо
не тронь меня ты вор
маньяк убийца мужеложец
да отпусти ж ты это все мое
назад назад назад щелчок щелчок

запомни этот день сегодня я впервые
не лгу когда произношу спасибо
не лгу когда произношу люблю
не лгу когда провозглашаю буду
любить тебя вне личности
как эхо
как откровение как истину как радость
как понимание как глубину
дистанцию
возникшую между виной и мной
освобождение
вечерний ветер
облаков объем
степные звезды голос автострады
как музыку в пути как вкус победы
как взгляд на дверь которая бесшумно
под моей тенью затворилась навсегда
и я шагаю
к солнцу

нащупываю изношенные фотографии
это не я дошел это коммуникационные технологии
а ведь прошлой весной мы подвыпив бродили
наблюдая смешных рыбаков Ишима
наблюдая бессмысленно мертвых рыб
из-под льда всплывающих брюхом к солнцу

а не это ли было мгновением безмятежности
спроси себя спрашивай каждый день
спрашивай после каждой четвертой бутылки пива
спрашивай после каждого второго оргазма
спрашивай ощутив брезгливость от двухчасовбезэякуляции
спрашивай отстранив глаза в ответ на вопрос любишь ли
спрашивай нажав кнопку отмены замомментдогудка
спрашивай получив визовую печать в паспорте
спрашивай целуясь из обязательства
спрашивай нащупав узколобие непонимание неравенство
спрашивай если не хочешь чтобы спросил я

Лилит Мазукина

МАТЕРУНСКОЕ

И я буду объяснять ей,
что ночь недружелюбна,
что надо опасаться
дач и дней рождений.
И что же, она спросит,
теперь всю жизнь бояться —
и всё только за то,
что хромосомы женские?
И я скажу, конечно,
никто и не боится,
все просто осторожны,
все просто берегутся,
всё время берегутся,
всё время — чуть тревожно —
проверяют то и это,
время суток там и улицы.
Она посмотрит прямо —
она всегда так смотрит —
и уточнит, а что же
мешает человечеству
ввести простое правило —
от нанесения вреда
другим бы всем беречься.
И я скажу, естественно,
что так оно и устроено,
и все мы тут бережёмся
именно от этого.
Но просто ровно половине
людей необходимо
беречься ещё и оттого
чтоб...
И замолчу.
И буду думать,
может,
это не она такая глупенькая.
И может,
дело не в том,
что ей десять лет.

КРОВЬ КРАСНАЯ. ВОДА МОКРАЯ

Одиннадцать лет без недели. С вечера собран ранец.
Ты проверяешь: кровь — красна, если пораниться.
Кости, наверное, белые. Белки и зубы — так точно.
И с этой отчаянной мыслью тебя усыпляет ночь.
Утром ты чистишь зубы, добела трёшь их щёткой.
Плещешь водой (мокрая) на слишком смуглые щёки.
Слишком смуглые руки. Слишком тёмные пальцы.
Но кровь-то, кровь же не врёт! Краснеет, если пораниться!
Новое знание жжётся, свербит безумолчным зуммером.
Они хотят, чтоб ты не был. Они хотят, чтоб ты умер.
Разве руки и пальцы человека делают зверем?
С этой отчаянной мыслью ты выходишь за дверь.
Тебе пятнадцать, девятый. Косички, веснушки, кеды.
Вчера ты плакала в голос над глупыми детскими бедами.
Любовь не делает старше — спину сгибает вина.
Оказывается, так важно, в кого ты вдруг влюблена!
Прощают девчонкам и гопника, и дурака, и убийцу,
но горе, если случилось в другую девчонку влюбиться.
Как непрочна на поверку родительская любовь,
как иллюзорна дружба, товарищество — тем более...
Словечки, жесты и шуточки (что смешного в насилии?!):
теперь до конца десятого тебе терпеть и сносить их.
Они только дразнятся, правда? Они ничего не сделают!
Но ты уже привыкаешь к желанию, чтоб тебя не было.
Тебе тридцать семь. Или сорок. Немного за шестьдесят.
Не тронешь мухи. А может, ничто для тебя не свято.
Тёмные руки. Белые. Котики. Дочь. Одна.
Карьера была успешна. Не поднялась со дна.
Утром — вафли и кофе. Не любишь смотреть сериалы.
Рыбачишь. Готовишь. Гуляешь. Устраиваешь скандалы.
Никто не помнит. Раз в год сотни людей тебя чествуют.
Ты любой. Ты любая. Просто кем-то вычеркнут из человечества.
Как бы много ни было «кого-то», как ни било бы это по жизни,
для тебя есть особая заповедь, эта заповедь: не расскажи.
Не страх свой, не мысль, а знание, безусловно и немо:
Кровь красная.
Вода мокрая.
Чтобы ты умер.
Чтоб тебя не было.

Жанар Сәкербаева

ДУМАТЬ О ТЁПЛОМ

изнывать от нежности, переполняющей нутро, выходящей через кончики пальцев
прикоснуться к руке, отогреть узоры в троллейбусе, погладить собаку
вечер стремится в вечность — я увидела ожившие улицы, деревья, метки, асфальт, уходящий за
горизонт
вдыхаю морской холод пытаюсь отрезветь от твоего неприятия и близости
тебе всегда удаётся быть и не быть
а я даже не успеваю дописать текстывбесконечныетексты, забывая знаки пробела в спешке
остановиться, поднять глаза и увидеть, может быть, ты давно рядом

+ 14

*подруга спросила меня: что такое любовь?
я ответила: остановка времени*

Ты

надпись «берегись автомобиля» вместо необходимой тревоги о том,
что здесь может быть транспорт (резко, справа), жёлтым разливают тепло
лампы в чужих окнах, светофоры на одиноких перекрёстках
ощущаю нашу близость и одиночество
ты чувствуешь, как искрится что-то внутри, выбиваясь из ритма курсора?
слишком медленного, нерасторопного для того, чтобы рассказать истории
не моей жизни

я заметила тебя не сразу:
был ли голос слаб, поднимала ли глаза, смеялась ли слышно —
вот о чём сожалею уходящим летом

тихий шёпот дорожке звёздного блеска

пусть сейчас рука моя не в твоей
вижу, как длится улыбка, остающаяся в уголках глаз на несколько секунд дольше
древние стены размывает вековой дождь
внутренние границы разрушает единственный миг

ты отстраняешься от мира, как и я
в предчувствии зимы, новой работы, общения с людьми — доподлинно неизвестно
[хотя мы говорили о многом в ночь моего беспмятства]
я увидела сокровенное движение тебя
и если это иллюзия или грёзы, не ко времени и не к месту
ты остановила время

ВОПРОСЫ НА КОТОРЫЕ НЕТ ОТВЕТА

пожалуйста не приезжай с такой причёской хорошо
люди скажут что
почему учишься когда все нормальные работают
и да почему тебя так долго не было в скайпе
ты слышишь меня
ты всегда пропадаешь
ты все ещё

+ 15

Мария Вильковская

ЧЕЛОВЕК-ЖЕНЩИНА

посвящается Руфи

и она мне такая с утра пораньше
если я когда-нибудь соберусь выступать в цирке
мой номер будет называться
человек – женщина
нет ну представь
крупными буквами на афише
ВПЕРВЫЕ НА МАНЕЖЕ
ЧЕЛОВЕК-ЖЕНЩИНА

мы ведь всё понимаем
человек как мера всех вещей
и ничто такое ему не чуждо
ни мост над пропастью Ницше
ни старозаветный по образу и подобию
ни человек человеку друг волк и бревно
или платоновское определение
про двуногое лишенное перьев
(с широкими ногтями разумеется)
человек-амфибия
человек-невидимка
человек без свойств
человек играющий
звучащий гордо
немыслимый тростник
человек-крыса
гомункулус
бытие сущего осужденное на свободу
желающая машина
это ладно
но человек-женщина?
такого еще по-моему не было!

Дмитрий Кузьмин

Пятнадцатого апреля был самый длинный день.
Я проснулся в Ньюкасле в пять утра,
с сожалением вытащил кисть из-под щеки Аарона,
умудрившегося во сне уберечь свой элвисовский кок —
не потрепleshь по голове, пришлось будить поцелуем в ухо,
Sorry, sweetheart, 'twas wonderful, but our time is over,
доспишь в кампусе, пасхальные каникулы — хоть весь день,
собирать мне нечего — только щёлкнуть на прощанье
по смешному вздёрнутому малайскому носу,
улыбнуться в круглые детские карие глаза,
не защищённые, как вчера, дымчато-узорными линзами,
и — прощай, отель Jugy's Inn, нам вызвано каждому по тачке,
они едут рядом, а потом разъезжаются за мостом через Тайн.

В десять я проснулся снова в аэропорту Брюсселя,
у меня был час на покемарить между рейсами, но ты
позвонил через сорок минут, уходя на работу,
Малыш, твой билет на полке под китайским зайцем,
и, понятно, про не опаздывать и перекусить по дороге,
первый и последний человек, называющий меня малышом,
хотя четыре года разницы теперь уж совсем ничего не значат,
и как раз осталось время заглянуть в Duty Free за подарками,
но там какой-то трэш, ну разве только зайцы шоколадные,
а это бесполезно, я не понимаю, как их можно есть.

Родина поприветствовала вялой весенней позёмкой по лётному полю,
ржавым боком маршрутки, закоснелой грязюкой у входа в метро,
я в ответ ей достал из багажа и надел лёгкий камзол
с красной бархатной оторочкой, с кэмденского неформальского рынка,
Пролетарий, хреневай: на экране Гриневай, впрочем,
есть и другая цитата, насчёт того, что должно же быть яркое пятнышко,
из французской комедии про трогательных старых пидоров,
сограждане тшчатся глядеть исподлобья, были бы лбы,
нет, этих не тронешь, а тронешь — потом не отмоешься,
зато у вагонов московской подземки высокие потолки,
а в лондонскую еле войдёшь на восьмисантиметровых платформах.

Я добрался до дому засветло, да и вы всё едино были на службе,
меня не встречали от поворота угловые окна,
вечерами горящие только у нас голубым и зелёным,
одноглазый консьерж, вечно покуривающий у подъезда,
предупредительно (видел меня по ящику) открыл мне дверь,
воздух в прихожей был янтарный, как бульон, — с кухни,
сквозь красные жалюзи, добивало выглянувшее под закат солнце,
я прошёл по квартире, как всегда будто заново удивляясь
тому, как ты выстроил в ней цветные переходы,
не снимая сапог, пока никто не видит, завернул в гостиную,
поздоровался с чёрным бархатным зайцем из Мадрида,
с мелким эмалевым из Ахена, с зелёным плюшевым из Сокольников,
купленным для тебя в 94-м с первой моей зарплаты,
и вот он, на сабвуфере, под красным зайцем из Пекина —
кремовая картонка, билет в «Точку» на Мияви!

В «Точке» на gothic party я когда-то впервые увидел Лерика,
маленького и грустного, в окружении трёх уродливых девиц,
где-то в окрестностях, на задворках, пятью годами раньше,
Санечка поставил меня на ролики, и я доехал до ближней стенки,
на Мияви меня посадил Вася, а потом не позвал на концерт,
и добро бы пошёл с кем из своих девочек, так нет, один,
и вот оно всё сошлось, ненарочным каламбуром, в одну точку,
ровно в этот самый наш с тобой день.

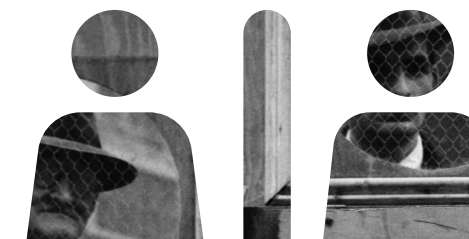
Двадцать лет назад мы с тобой встретились взглядами
на «Третьяковской», ещё на платформе,
вошли в один вагон, переглядывались до «Шаболовской»,
на «Ленинском» вышли вместе, выяснили, что тезки,
через два часа оказались в одной постели,
через полгода я предъявил тебя маме с отчимом,
через три года мы въехали в наш первый общий дом,
через пять в него робко позвонил Мишель, наша первая общая любовь,
и потом было столько всего, что и не расскажешь нынешним
друзьям и любовникам, половины которых
и на свете не было двадцать лет назад.

Мы так и не отыскивали друг друга на баррикадах у Белого дома
и возвращались оттуда порознь, закосневшие и промокшие,
мы едва оторвались от слежки в пыльной Казани 92-го
(кто и зачем нас выпасал — осталось загадкой),
мы с трудом выбрались от гостеприимного бизнесмена в Реймсе,
подобравшего двух автостопщиков на парижской трассе
и уламывавшего погостить недельку и съездить вместе
в Шарлевиль, на родину Рембо (к ужасу дочери и жены),
а потом, добравшись на перекладных до самой Атлантики,
голыми катались на великах по песчаным дюнам,
и, да, оказалась длинной, и, да, таков аппетит и вкус
времени, и да, цитаты прикрывают страх и смущение,
те же, что при попытке сказать: Я тебя люблю.

На танцполе в «Точке» было теснее, чем в метро
двадцать лет назад, но друг друга найти было легче,
нас прижала друг к другу толпа расплётных школьников,
Лерик пританцовывал рядом с независимым видом,
ты незаметно ткнулся мне в бархатный лацкан
незаметно седеющей, закурчавившейся от метипреда головой,
хрупкий японский мальчик на сцене не щадил гитары,
прекраснейший из вакасю-ката эпохи вижувал кея,
гнулся, да не ломался, в вырезе чёрной футболки
от ключицы до ключицы охваченный размашистым синим UN-DO.

Нет, никогда и ничего я не хотел отменить,
а если вернуть, то лишь затем, чтобы прожить ещё раз,
Ctrl+Z, Ctrl+Y, раз уж вариант с Ctrl+S, по опыту Фауста, не проходит,
но одной жизни человеку безбожно мало,
как одной книги, той самой, которую надо взять на необитаемый остров,
но у меня большая библиотека, я её собирал, как мог,
даже в Ньюкасле (иногда приходится читать быстро),
но здесь так много школьников, они так прыгают, так сладко потеют,
так плотно спрессовываются, ближе к полуночи, в очереди к выходу,
оттесняемые охраной, дозирующей доступ в гардероб,
что я понимаю: скоро уже отплытие.

И мы возьмём друг друга с собой.

Галина Рымбу

* * *

*...шум, движение, страх, сами по себе вращающиеся шестеренки
внутри рождения. бледные
огоньки аптеки в пустом вокзале. ночью
интенсивность влечения возрастает
вместе с утерей объекта.*

*раны
медленного согласия
предательски выступают из-под одежды
в момент, когда все должно совершаться немедленно,
собеседник съеживается, исчезает...*

*крупные вещи распрямляются вокруг себя, выступая вперед.
маленькие объекты входят под кожу.
слова, имена, - те стоят в стороне. во вне
кто лежит ближе всего к своему телу?*

*.....
...дерзкие сообщения
от того, кто едва понимает, что пишет, занят письмом...
как с ними быть – определишь сам
или его слезы...*

MENSTRUUS

*все вытекает: слова из
органов, темнота из темноты
движется в плыв по комнате, по лицу,
внутри течения — желающая скука (откуда это, из меня?) и
теплое — красное на
белое, лежу — «жуткое все, жопа», думаю, — «мир как мир».*

*пока они приходят поочередно в историю,
в истории все ходят, хозяйничают такие,
яйца чешут, впрыскивают свой мир (не текут) в мой — мир как мир,
пока я лежу, жуткое (ну да) — ткань тела
и поверх ткань; что думаешь ты — неважно,
все равно думаешь как мясник, думаешь ясно —
остановился в своем мутном
времени или лопатой гребешь политику под себя сам,
оглядываясь, трусливо течешь, —
хоть так...*

*сон прошел, Лесбия, настало время печали,
время сбросить кольца и платья на пире кровавом
во славу доброй памяти сестёр наших
будем бить бокалы!*

*о, Лесбия, время войны настало,
покупать травматiku у мужичков коренастых
и в чехол от макбука прятать лезвие, шило
и двигаться, стиснув зубы, через ряды фашни тёмной.*

*о, Лесбия, это время лежит, как в гробу прижатый,
как у жертвы его рассечен череп
и кровь заливает лицо, взгляд равнодушный.
чувствуешь, как бьется сердце, приложив руку
к груди моей, как эта ночь на нас давит?
настало время вываливаться пьяными на тверскую, на проспект мира
и обниматься.*

*такое время, что любовь и политика – одно и то же,
а полиция и ненависть – это что-то другое.
где открытые лекции сменяются уроками уличной борьбы,
где дыхание на морозе превращается в воображаемые свободные университеты
и на коленях стоит олимпийский мишка,
а рядом с ним на коленях стоит ребенок,
вижу, Лесбия, в руке твоей бритву, волосы спутались, взгляд безумен.*

*остановись тогда – выживет наше сердце!
глядя в глаза родителям, сквозь пощечины пересекая двор,
пробегаю мерцанием сквозь кордоны,
оставляя граффити и стихи,
Лесбия, встань! настало время спеть веселую песню,
сплевывая кровь и зубную крошку,
закрывая руками лицо, раздирая асфальт,
пока наши братья, наши друзья, наши родители
встали в круг и кричат: «хоп! хоп!»*

*я не знаю, какие нужно прочесть книги,
какой политической борьбой здесь нужно заняться,
когда вокруг все ни мертвые ни живые,
по сговору, в небытие устанавливают один порядок,
когда водят по губам обоссанным членом
за грудой досок на школьном дворе: «щас мы тебя переучим»*

*этой ночью ни живой ни мертвой,
когда не знаешь языка другого,
вставай, Лесбия! хватит, вставай с колен!
вставай, любимая, даже если на смерть идёт дело
и этот пир, страшный и стремный, эти мясные яства,
эти черви на головах «черной хунты»,
эти выкрики, удары, митинги, всхлипы – всё сгинет в пропасть.*

СЕМЬЯ

это сойдет за правду:

твои руки движутся взмахами, развинчивая во мне
речь (ее скорость); твои волосы,
жесткие, как память, задерживаются между пальцами.
твои слезы
похожи на женские слезы. и это правда.

я смотрю на тебя. - это похоже на правду.
ты говоришь так, как будто бы ешь свои слова, ешь
сам. пока я
представляю что между нами будет, как вскидывается
в темноте твой неуклюжий зад,
твой возраст...

между нами висят, обезволев, струны безумия, пряжа
матери,
частично спутанная, легкие макеты семьи, в которых
-
тот хлеб, и кухонный жир на лице беседы, как слезы;
- тот быт,
что не кажется правдой.

животное бросается в обруч, зная, что будет: исход
любви -
и обратно - это цирк времени:
гнилые зубы невесты, подлеченные у сапожника,
скрип ковша железного в груди, когда ходишь ночью
отлить в руины,
дым, дым, что тянешь как жвачку к родственникам -
живым и мертвым:
им тоже нужно что-то оставить,
чтобы остаться с ними

в полумраке, за грязным столом, за борщом
обсудить все это, как правду, -
верность тому, что было; и деньги.

Екатерина Захаркив

мы зашли в более дальние, более темные камеры
за химией цвета и вообще за природой зрения
где деньги и фотографии не подступают к горлу
где реальность и отраженные образы
поглощены феноменом расстояния
избавленные от присутствия нашего детства

когда мы приехали в парк в выходные
летнее солнце, световые волны предметов
большие замки из темно-зеленой пластмассы
— теперь уже за невинностью взгляда
в разорванных документах за порогом отличия
более молодые лица родителей
маленькие пейзажи на ладонях дошкольников
кленовые листья, бензиновые разводы

дальше все отступая и отступая
на этом изображении извлеченном из затемнения
когда достигнув предела маргинальности места
и предела первой любви мы избавили
эту политику и эти карточки
от присутствия нашей юности

образуя единую ось, совпадая зрачками
чувствуя наготу дистанции
как свою собственную наготу
вопреки невидимому дыму всех мертвых
и похожему дыму живых

мы наконец зашли за разнородный ряд
в самую глубину процесса
где шум отражается от шума
и нет никакого огня

преследуя взглядом дальние встречи
очнувшись в мраморе ты говоришь мне
добро пожаловать в сон твоей речи
потушенной о бордюры

все еще не прошло и нам не очень-то повезло
невыветриваемые лязги террора, отрезанные ушные раковины
мы обведенные тонкою синью и чем-то косвенным

мы в этом сне как бы парни и мы целуемся
так обмениваемся словами, напрямую, из уст
в уста, после пляжа и танцев, в намеченной яви

из западни выплывают партизанские волки
и облачаются в тень, мы видим как мы - это музыка
звук чистого заговора, вседозволяющего знака

Салтанат Казыбаева

МОНОЛОГ НА БУКВУ U

Посвящается Наталье Рубцовой, Тёплый Стан, 2006

Начнем с того, что меня зовут Иосиф, Исахан и Индеец Джо.

Этими именами меня крестили самые важные люди в моей жизни. Так мне казалось на тот момент. Конечно же, я заблуждался и был глупой трехрукой версией богини Лакшми. Ну, а кто не был наивной индийской проституткой в пятнадцать лет?

Иосиф

Иосифом звали моего отца. Невысокий жилистый мужчина лет сорока бьет мать, а из радиоприемника разносятся «Подмосковные вечера». У мужчины редеющие рыжие волосы, лицо кривится счастливой ухмылкой и изо рта вырываются клубки дыма, точнее из одного уголка рта, пока в другом жуется остаток почти затухшей самокрутки. Я в это время сижу на деревянной лошадке и заливаюсь горячими слезами. Но мои стенания не из-за посиневшей лицом полупридушенной матери — раскаченная пинком отца лошадка остановилась. Я начинаю брать самую высокую ноту, когда отец, не отпуская матери, снова запускает деревянный механизм. Я доволен и жмрю глаза. У матери хлещет кровь из разбитого носа. Отец закуривает новую самокрутку и делает радиоприемник погромче.

Мне три или четыре года.

Я помню это так отчетливо, что могу закрыть глаза и снова почувствовать под собой вибрации деревянного друга, запах свежестиранного белья, которым мать вытирала окровавленное лицо, а главное — голос отца. Звонкий, практически девчачий — отец перекрикивал «шаланды полные кефали» — Моего сына зовут Иосиф! В честь Сталина! Я за него воевал! Убивал! Сталин лучший друг всех казахов!

Нагмой звали мою мать. Я знал ее плохо. Она была молчаливой женщиной. Таких называют невидимками даже собственные дети. Она содержала в чистоте наш большой дом, готовила, занималась скотиной и огородом, я практически никогда не видел ее сидящей на топчане с пиалой, наполненной зеленым чаем с молоком. А отца постоянно, вместе с радиоприемником. Они были не разлей вода. Особенно в моменты своей ярости, когда он начинал бить мать или собственную сестру, что жила с нами незамужней приживалкой, отец включал на всю громкость радио. Мне кажется, отец просто не переносил женский плач. Он был слишком похож на его собственный голос, когда он ругался с соседями, продавщицей в местном сельпо или с мужиками на работе, прозвавшими его «Красотка Серик» за поженски писклявый голосок.

Когда я вырос, я купил себе первый аудио-плеер и несколько кассет со сборниками популярной музыки конца 80-х. Одна песня мне понравилась особенно. Я ехал на автобусе с учебы, за стеклом был любимый мной мокрый и соленый Питер, когда зазвучала она:

«Neon on my naked skin, passing silhouettes
Of strange illuminated mannequins
Shall I stay here at the zoo
Or should I go and change my point of view
For other ugly scenes
You did what you did to me
Now it's history I see
Here's my comeback on the road again
Things will happen while they can
I will wait here for my man tonight
It's easy when you're big in Japan»

Мне стало жалко отца. Несмотря на все, что он творил в своей жизни, несмотря на то, что он сделал со мной, с матерью, и особенно со своей сестрой. Просто его так не любила жизнь, как он любил музыку, свой радиоприемник и абсолютную тишину песен.

Исахан

Исаханом назвала меня жена.

Это было зимнее питерское утро. Я шел на учебу через парк. Пьяный после беспробудной вечеринки на квартирнике у профессора, которого никогда не знал и так и не увидел. Мой друг Леша спер у него из квартиры серебряный портсигар, но на полдороге стал блевать, упал в свою блевотину и по-геройски улыбнулся с кусочками горошка на губах из вчерашнего салата «Оливье». С ним осталась его будущая жена Лена, которая родит ему двойню и возненавидит на всю оставшуюся жизнь, коротко говоря за все.

В парке я брел один. Боролся с икотой и холодом — шарф, варежки и шапку у меня, видимо, украл кто-то из гостей профессора.

— Исахан?

Голос был уверенный, низкой тональности, но вместо дородной и пожилой женщины он вырывался из горла миниатюрной девушки.

— Иосиф.

— Иосиф? (весело). Извини, но тебе это имя совсем не подходит.

Также, как и мое паспортное имя, я не подошел ей в мужья. Разводились мы тяжело. Нам было за сорок, нас не связывали дети, деньги, взаимная любовь и уважение.

У нас был кот. Мишка. Черный, толстый, десяти лет от роду.

Мишку я встретил, когда выбегал за пивом. Жена была в командировке, и я выпивал с Лешей и его женой. Лена, не сумев побороть тягу мужа к спиртному, спилась сама. Тогда в осенний вечер она только начала водить дружбу с градусами, поэтому обратно в квартиру я нес довольно внушительный пакет с пивом. Я вызвал лифт и в распахнувшейся мне вонючей коричневой кабине увидел котенка.

— Вот вам на закуску!

Я поставил котенка на стол и Леша с Леной задумчиво улыбнулись.

— Как назовем? — спросила Лена.

— Леной! — крикнул пьяный Леша.

— Мы не знаем пола и я не уличная девка! — опротестовала предложение Лена.

— Тогда в честь твоей жены, Иосиф! В честь Инны! — обрадовался Леша.

— Это мальчик! — сказала Лена после быстрого медицинского осмотра.

За окном послышалась музыка. То ли машина подъехала, то ли кто-то из дворовой шпаны выпер магнитофон на батарейках. Это был «Владимирский централ». Лена и Леша одновременно стали кричать: «Михаил!». Котенок испугался и вырвался из моих рук. Он спрятался под буфетом, откуда не выходил добрые сутки.

Когда я развелся с женой, Миша остался со мной и снова спрятался под буфетом. Я пытался выманить его едой, валерьянкой, ниточкой с бумажкой, а потом просто лег рядом с буфетом и увидел, что Миши там нет.

Индеец Джо

В детстве я не читал «Приключения Тома Сойера». Как тогда, так и сейчас я не испытываю никакого интереса к книгам. Мне больше нравится музыка, и именно музыка в наушниках.

Со Светланой, по паспорту Борисом, я познакомился в музыкальном магазине. Я рассматривал новый альбом Наутилус Помпилиус, точнее держал пластмассовую коробку и молча плевался, когда заметил щедро припудренное лицо с предательскими оспинами многолетнего бритья. Потом я увидел кадык, руку с узловатыми венами и большой ладонью, что сжимала альбом группы «Alphaville».

— Моя любимая песня у них «Big in Japan», — начал разговор я.

Светлана молчала, боясь выдать себя голосом, не зная, что я уже все понял. Я тоже молчал, и она кивнула — один раз, потом второй.

Через год мы вместе примеряли новое белье, прикупленное по случаю предстоящей операции. Она завистливо погладила мою кожу на лице и сказала, что азиаты намного лучше превращаются в женщин.

— Посмотри на меня. Лицо, как наждачка. Плечи. Руки. Я похожа на Годзиллу! — кричала Светлана под «Forever Young». Ты — скандинавская принцесса, думал я про себя, а спустя годы увидел Светлану в клипе шведской группы «The Knife». Ее копия излучала красоту и уверенность, и я пожалел, что так и не рассказал ей о своих мыслях.

На похоронах Светланы ее родственники приняли меня за обычную женщину. Да я и сам сказал, что мы бывшие коллеги.

— Боря был хорошим мальчиком — когда все уходили с кладбища, ко мне подошла незнакомая женщина, родственница, судя по сильно заплаканному лицу.

— Хорошим человеком, — проговорил я.

— Хорошим мальчиком, — отозвалась тупым эхом женщина.

Индейцем Джо меня называл дядя Виктор. Он был другом отца, фронтовиком и моей первой любовью. Он приходил к нам каждый вечер, пил с отцом на топчане, кричал скабрзные и пошлые шутки моей незамужней старой тетке и играл на гитаре. Отец даже выключал свое любимое радио и затихал. Мать находила в себе смелость присесть рядом с отцом, а иногда на его песни к нам заглядывали соседи.

— Иосиф, а ты знаешь, что тебе подходит имя «Индеец Джо»? — он пришел ко мне ночью, пьяный, с колючей щетиной, которая царапала мне живот, на который он положил голову. — Ты, наверное, не читал книжку про Тома Сойера, да? Приходи ко мне завтра, мы вместе почитаем ее. Стоящая книжка. Марк Твен написал.

КОНЕЦ

Я очнулся рано утром
Я увидел небо в открытую дверь
Это не значит почти ничего
Кроме того что возможно
Я буду жить

Я буду жить еще один день
Я не смертельно болен
Но я в лазарете стерильный и белый
И не выйду отсюда пока не придет
Не выйду отсюда пока не придет

Доктор твоего тела
Доктор твоего тела
Доктор твоего тела
Доктор твоего тела

Я не буду лгать врачу
Это было и раньше — мой приступ не нов
Это не значит почти ничего
Кроме того что возможно мы будем жить

Мы должны быть

Внимательней в выборе слов
Оставь безнадежных больных
Ты не вылечишь мир — и в этом все дело
Пусть спасет лишь того кого можно спасти
Спасет лишь того кого можно спасти

Доктор твоего тела
Доктор твоего тела
Доктор твоего тела
Доктор твоего тела

Я очнулся рано утром
Я увидел небо в открытую дверь
Это не значит почти ничего
Это не значит почти ничего
Кроме того что возможно

Доктор твоего тела
Доктор твоего тела
Доктор твоего тела
Доктор твоего тела*

*текст Ильи Кормильцева, группа «Наутилус Помпилиус»

Дмитрий Зернов

SEXTUNA III (ПОСЛЕДНЯЯ)

Глотаем темноту. И в тишине
Привычно спят какие-то вершины.
Давай о бабах говорить, — сказал ты мне —
Как словно настоящие мужчины.
А знаешь, мне вчера одна во сне
Дала. И были веские причины.

В довесок еще веские причины?
(Как неприятен голос в тишине —
Как неприятель в детском квесте-сне,
Штурмующий недетские вершины;
Наверное, мы все-таки мужчины,
Раз эта дрянь на ум пришла ко мне).

Ты промолчал и не ответил мне.
Твое молчание, увы, не без причины.
Колючие встречаются мужчины —
Их не в узде б держать, а в тишине,
И заставляя окучивать вершины,
Что не приснятся в самом страшном сне.

Прости меня. Я словно как во сне.
Какая-то хуйня приснилась мне:
Какие-то уснувшие вершины...
Я не хотел тебя обидеть. А причины
Того, что происходит — в тишине.
Мне страшно. Ты ведь знаешь, что мужчины

Бояться не должны... Да, нет, мужчины
Бояться могут — сикаться во сне...
И рассмеялся где-то в тишине,
Рассыпав пальцы; часть досталось мне —
Без повода, а лучше — без причины
Штурмуют они мягкие вершины.

Привычно снят... Низины и вершины.
Играют в настоящее мужчины.
И причиндалами решают все причины,
Которые пугают их во сне.
Все! На хуй! Хватит! Подойди ко мне!
Заткнись! ... И помолчим о тишине.

SEXTUNA XII

Ты не родишься заново мужчиной.
А может даже, не родишься вовсе;
Ну, разве что дурацкой половиной
Меня, и из мой же лишней кости.
А может терпкой прорастешь щетиной —
Тогда уж точно мне не хватит злости.

Я буду целовать тебя без злости,
Я буду целовать тебя мужчиной,
Я буду целовать тебя щетиной —
Себя любить труда не нужно вовсе.
А ты живешь себе в жилищной кости
Бесполой, глупой, голой половиной,

И, скажем, бесподобной половиной.
Кусая локти беспощадной злости,
Я буду разбирать тебя на кости,
И в шутку называть тебя мужчиной:
Какой мужчина... Не мужчина вовсе —
Всегда дитя. И даже — под щетиной.

Морщиной станешь под моей щетиной,
Пройдя земную жизнь мне половиной —
Смерть каждый день, а значит, нет и вовсе.
И с маленькой толикою злости —
Податливой и маленькой мужчиной —
Ты подбородком мне считаешь кости.

Они теперь совсем уже не кости —
Они твоею обросли щетиной,
И каждая, мечта стать мужчиной,
Становится твоею половиной.
Подозреваю, и хрустят от злости,
Что невозможно быть тобою вовсе.

Нет, ты не думай, мне не больно вовсе,
Подумаешь, перемешали кости —
По дурусти скорее, чем от злости.
И уколотившись, как всегда, щетиной,
На время спящий стал ты половиной,
Чтоб не проснуться никогда мужчиной.

Алексей Швабауэр

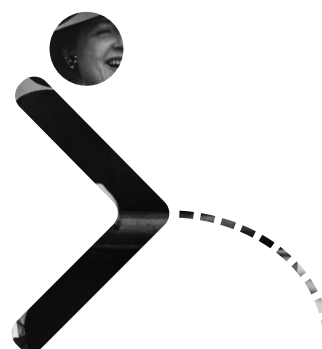
ГОВОРИТ ЖЕНЩИНА

— сейчас я в Риге
сiju в отеле одна-одинешенька
пью вино красное сухое чили
размышляю существуют ли люди
у которых жизнь складывается хуже чем у меня
весь номер в темно-красных тонах
называется Dark Red
окна маленькие с видом на старинную улицу
балкона нет
идет сильный дождь
курить можно только на улице
все надписи на латышском
но с русским здесь все хорошо
никакие они не фашисты
пока я встречала только замечательных людей
это конечно определенный круг
однако
все еще могут перейти на русский
и никто не фыркает ...

я бросила нархоз на втором курсе
через два года поступила в художку
через год уехала в Англию
прожила там несколько лет
закончила графшколу
вернулась обратно по большой любви
вышла замуж в тридцать один
в тридцать шесть развелась
у меня был позорный развод
ужасно позорный
я прилично себя вела
я не кричала не оскорбляла
я никогда не теряю свое лицо
я опять ною!
господи когда я перестану ныть!
ненавижу себя!
с тех пор я жила одна
пока Лео Бернет не увидел мои рисунки
меня сразу взяли арт-директором
так я попала в рекламу
стала трудоголиком с одной статьей
побывала в шести странах четырнадцати городах
и всегда была одна
во всех этих городах я была одна
если бы ты сейчас был здесь
я бы начала с тобой флиртовать
потом целоваться а потом бы с тобой переспала
и на следующий день мне бы сделалось только хуже
потому что нельзя спать с женатыми мужчинами
я не сильная!
я слабая!
я наивная и слабая!
да ты повел себя как идиот
это правда
я долго ждала

долго
потом решила что мне вообще показалось
осень я лечу в NY
полетели со мной
я красивая и умная
но со мной ооооочень сложно
возможно тебе будет трудно с человеком
у которого нет системы
я — чертовый хаос
ненавижу снобов и шовинистов
не люблю лыжи и коктейли
не переносу фиолетовый и темно-зеленый
терпеть не могу диеты выпиваю не люблю правила
курю сигареты склонна драматизировать события
я люблю красное
все красное
красное полусладкое
ты не пробовал хорошее сухое?
ты пробовал в плохом обществе
ты пил в обществе не тех женщин
несвоих женщин
ты все знаешь
меня бросил муж представляешь
МЕНЯ!
БРОСИЛ!
как вещь!
несмотря на все что я могу
несмотря на мои деньги
на длину ног
несмотря на мои рыжие волосы
и серо-голубые глаза
несмотря на то что я сногшибательна в сексе
и круто целуюсь
я очень одинока
у меня есть только одна страсть
я лучший арт-директор
но я человек
и это очень сильно мешает жить
я чувствительный человек
но не собираюсь в этом признаваться
я слишком заметна
но люблю тусовки узкого круга
я человек
я живой человек
не статуя застывшая во времени
мы не можем не жить
ты не можешь просто пялиться на свою
чертову жизнь и не жить ее
иди убей себя!
у вас уже слишком поздно иди спать
и да у меня рыжие волосы и серые глаза
лучше вообще не писать все это а целоваться
я пью вторую бутылку
не плохое
сухое
терпкое
как кровь
темное и живое
как кровь на прикушенных губах
Las Moras
ты меня все еще любишь?
еще любишь?

не уходи
ты не можешь просто опять взять и куда-то деться
не уходи
не бросай меня сейчас
я никогда ни о чем не прошу
PS:
как это по-взрослому просто сбежать!
я больше тебе не верю!

Зоя Фалькова

по рождению
 пригвождённая к этому миру
 островерхим треугольником, —
 горой, пирамидой, летящим в небо копьём —
 ты открываешь дверь с этим знаком
 (обычно – внутрь
 чтобы не выпускать запахов)
 и видишь ряды одинаковых загончиков, оснащённых фаянсовой посудой
 и – нередко – очередь.

Что-то живое нежно трогает тебя под водой
 океан распускает твои волосы
 океан слизывает с тебя трусы
 океан готовится быть в тебе
 чтобы выйти спустя год без четверти
 и надейся чтобы хотя бы тунцом,
 молись чтоб не этим черным морским ежом
 не армией креветок с острыми ножками

*нет океан стой я к этому пока не готова океан я не хочу слышать тужься и порвёшься
 не хочу трещины на сосках и считать интервалы и чтоб отходили воды не хочу океан ты же знаешь*

отход вод означает скоро цунами.

Океан скрежещет песком
 океан цокает крабьим голосом
 океан шлёпает тебя по заднице
 иди, иди, глупая, ты всё равно вернёшься
 передавай привет всем солёным водам этой планеты
 вы все всегда возвращаетесь.

Ты возвращаешься завтра.
 Что-то живое нежно трогает тебя под водой.

Не доверяй женщине с не выщипанными бровями
 Возможно, она задумалась и забыла про них
 Это значит, что она умеет думать
 О боже какой ужас

Не доверяй женщине без маникюра
 Возможно, она понимает тщету и бренность этого мира
 И оттого ей наплевать на ногти
 Не может быть, какой кошмар

Без педикюра женщине тем более не доверяй
 Даже если во всём остальном она на твой взгляд совершенна
 Потому что она не видит этих своих пальчиков у тебя во рту
 О нет, прекрати, я не могу себе такого представить.

Лучше умирать в поле, чем в бабьем подоле
 Говорит мужчина
 Глупый, думает женщина
 в подоле ты
 И не поместился бы
 Там местá только для новорожденных,
 Которых несут, измученные
 К родным
 С повинной

*Лучше сразу подохнуть
 Чем пока в подоле донесёт
 И запричитают
 Кому ж ты теперь нужна-то такая будешь
 Шалава*

Сейчас ведь всё по-другому
 Войны не будет
 По радио в такси поёт Мадонна
 Мужчина едет
 На курсы молодых родителей
 Учиться пеленать младенцев
 Куда едет женщина
 Не знает никто
 Ни муж, ни коллеги.

Анна Глазова

железо — природный стыд камня,
где камни краснеют, там их лицо.

если лечь с камнем,
можно отяжелеть
его долговечным потомством:

пустотой
остающейся в горах
после огненного извержения
и теплом
остывших каменных струй
ставших руслом горных ручьёв.

тяжёлое сердце,
свой плод,
носить его не сносить —

ещё никто
не рождал своё сердце,
невыносимое,

слишком малое чтобы
из груди выйти
и затихнуть
припав к груди.

в мире бесплодных сношений
один прохожий дал
обет безбрачия души

но повстанка-душа
нарушает обет
обнажаясь
то перед ветром
то перед домом

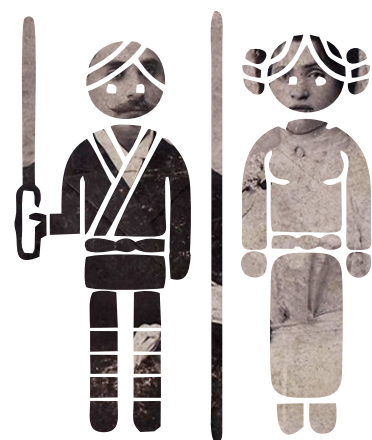
Светлане Захаровой

не сложить и двух слов —
думай дважды,

придумай, как женщина
задирает подол,
как из тени
видны полосы облаков, а в нитях
сотканых взглядов
стоит пустота,

и идут в стороны свет и море,
если им приказать расступиться,
открыться, как влажным губам,
и ни слова, ни звука.

думай, как хочется кинуть
в воду камень для всплеска.
птицы думают меньше.

ОЛГА ПЕРЕДЕРО

хочу зацепиться за тебя
за себя? но
«у меня же есть анимус»
а какая женщина без анимуса?
это ведь только полженщины
и тогда начинается поиск пресловутой
половинки (!)
брррр

а я уже обрела целостность
я андрогин
(хотя так, вроде, и не скажешь)

когда забываешь кто ты
когда становишься пылью вселенной
тебя посещает
такая свобода
такое счастье
такая безграничность
и всё-всё-всё такое
такое

но вот ты приходишь в себя
вспоминаешь
и всё рушится. всё-всё-всё.
ты снова — аж Ты.
то есть должен заслужить звание Человека
или Кого там
звание Режиссера
звание Актера
в этом погорелом театре

звание носителя своего пола
звание члена общества
или вагины общества

звание Вани
или Мани
и...
ты просыпаешься от блаженного сна всесилия ничто

берёшь крест аж себя
аж на свои плечи
и несёшь
несёшь
несёшь.

хорошо?

...и эта твоя привычка смотреть безумными глазами психопата в объектив
а знаешь, я тебя понимаю
в нашем мире остаться «нормальным» ненормально и даже немного стыдно
(да и что за фигура речи такая, «норма»? какая гадость, право)

Фридрих Чернышёв

Рано или поздно ты прокалываешь себе кожу
и узнаёшь как это на вкус
Как снижается голос
Ломаются волосы
появляются волосы
сушит глаза
Просто сушит
Добавляет либидо
А потом каждые 3 недели
6 недель 12 недель
Небидо небидо небидо
Добавлять к крови
Или каждые 14 дней
Сустанон
250 мг/мл
Каждые 13, 27 дней
лаборатория
В крови
м/моль тестостерон

этот текст, как и все другие
О транссексуальном переходе
Мне приснился поэтому я
Не помню его окончания

только что был на форуме
где какой-то транссексуальный поэт
напечатал несколько текстов
которые мне очень понравились
читал их вслух
перечитывал снова и снова
следил за его Переходом
за мастэктомией
за дозировками
жалел что не я описал
этот опыт
его звали каким-то
традиционным FtM-именем
но не сашей
я перечитал его стихи еще раз
и некоторые почти выучил
пока не проснулся и не понял
что они были мои

девочка
перед зеркалом
вдох —
туже —
туже —
туже —
мальчик!

сначала тебе отказывают в психушке
мол не слишком похож на мальчика
голос женский много пирсинга
еще и имел парочку гомосексуальных контактов
ядовито плюешься что месяц страдал без дела
начинаешь колоть четыре эфира тестостерона
по одному миллилитру раз в две недели
в первый день месячных
(вот именно этих ты ждал как никогда в жизни)
и надеешься что их больше не будет
делишься с психологом а тебе говорят
что гормонотерапия по звездам
понимаешь что в вопросах тс
ты умнее профессора

потом идешь еще раз в психушку
на сей раз по благу
и прямым текстом говоришь
что тебе нужно то-то и это
конечно скрываешь что гей
и хоть все приветливы и везде шкалы лжи
все равно врешь
в том числе и на тестах
и тебе дают эту странную справку
которую ты подделал своими ответами
(конечно не могут отказать — голос мужской
скулы тоже и две недели специально не брился
решают что пути назад нет и дают тебе справку)

но все равно тебя некому резать
потому что разрешения в стране отменили
и ты пишешь в москву или в минск
сделаете мне мужскую грудь всё равно не влияет
на доки
но тебе отвечают что нет какой-то блядь строчки
которая и так прописана в мкб-10

и ты можешь заплатить и приехать
на комиссию номер три
к тому кому не надо врать что ты пидор
(но врать ты естественно будешь)
и там снова эти же тесты
ты их уже на память
и неизвестно котируется
ли это в твоей стране

и ты думаешь сделать печать как в психушке
или самому допечатать ту строчку в справку
или ехать на тесты номер три и врать
(что в общем привычно)
и смеешься что в твоей стране
переход в мужской пол из женского
это аттракцион под названием
кто круче наебёт государство и психиатров
посылаешь всё к чёрту ложишься спать
завтра идти на экзамен
в мозгу мысленно стикер
не забыть утром сделать
очередной укол

Nuka Neuman

ДЕВУЩИНУ

L. с детства любила азартные игры. Даже не помнила, как это началось, когда она первый раз сыграла в покер. Ей никогда не было понятно, кто она, но было точное предчувствие, что с ней станет после смерти и кем была в прошлой жизни. В школьных коридорах она обыкновенно ощущала себя как на Голгофе; каждый был готов распять. «Я — твоя смерть», — крутилось в голове у маленькой 8-летней L., когда очередной обитатель этого концлагеря смеялся над ней. В отрочестве L. услышала Бэланса и Кристоферсона и первый раз столь явно соприкоснулась с пограничным сознанием. В зеркальном отражении она видела, что явно отличается от других. L. обожала песню «Мой Лизочек так уж мал», могла распевать ее часами. «Кто же такой этот таинственный Лизочек, почему у него такое имя? А может он как я?» — размышляла она. «Мне хотелось, чтобы у меня нашли туберкулёз, это в детстве, а в юности — чтобы ВИЧ». В 20 у нее нашли кое-что другое. Она была официально признана интерсексуалом, у нее отсутствовала одна X-хромосома. Человек третьего пола. L. хотела сниматься у Альмодовара, а вместо этого ощущала себя в третьем измерении, стоя между батареей и балконной дверью в своей стране третьего мира. Общество не принимало ее, да и кому были нужны такие девиантенькие экземпляры. L. обладала и иными забавными особенностями, помимо генетических. На все события катастрофического характера реагировала трагикомическим хохотом, сартровскими шуточками, наркотическим пленом и бесцельным перемещением по пространству. Забавный способ самозащиты, как считала она.

— Да ты же изрядно пьяна!

— Но я, помимо всего прочего, и изрядно трезва. Да и вообще, стакан наполовину Пруст, наполовину Поллок.

В детстве L. любила вставлять слова «гносеологический» и «синкретизм». Ну, знаете, шла, бывало, по улице, видела знакомого и начинала кричать: «Эй, гносеологический!» А он и обижался. Но она ведь комплимент хотела сделать таким образом.

L. обожала разглядывать свой странный скелет в зеркале. Она, конечно же, очень любила человеческие кости, щедро обтянутые кожей, но такие, чтобы сохраняли при этом волю к жизни и желательно к чему-нибудь еще. Вообще, считала человеческие кости, в меру хорошо проглядываемые, очень эротическим явлением. L. разговаривала разными голосами. На вопрос, как так происходит, отвечала нечто вроде: «У меня много разных голосов. Вы с каким связаться хотите? Есть голоса внешние, а есть внутренние, за которые мне периодически нечем платить».

L. быстро посадила зрение и видела всё в несколько импрессионистском фокусе, а поскольку Моне и его сотоварищи не совсем чтобы безумно нравились, а вернее сказать еще в отрочестве ей надоели, то ее это откровенно раздражало. Но словно бы приближало к какому-то абсолюту. L. поверила в реинкарнацию больше, чем в медицину, и на это у нее были все основания. Она ощущала, что вся эта ситуация становится предметом искусства. Ее жизнь всегда была бесконечным перфомансом, с момента появления на свет. Давай будем говорить о вечном, и это продлится как можно дольше. Юмор есть и в самом страдании. Это очень романтично и немного смертельно. Тяжело в мучении, легко в раю.

Елена Глазова

нога хозяина
тонкие волоски на его ляжках
нога хозяина
лоснится
овеваеамя ветром
от руки с гантелей
нога хозяина
его мебель в проеме его ног
огрубевшие волоски на его мошонке
нога хозяина
его пот стекает по ноге
нога хозяина
рука загребает воздух
нежное дуновение от руки хозяина
в проеме ног хозяина
сперма хозяина
распускается веером
на миллион съеденных сыновей
нога хозяина
в нежном дуновении от
в проеме ног хозяина
его мебель в проеме из
его нога в
его нога

целуя пролежни меж ягодич
с прилежанием
набрав в рот семени
молимся истово
с подобострастием славим
феномен накопительного тракта
пролежни дают течь
запах гнилого мяса
мешается со спермой
телеса агонизируют под нами
подкрепляя наш оргазм
распад сливается
с нашими спазмами
резкий свербящий гул
вылетает и дергает
на мгновение оставив нас
с идеей удовлетворения
нет не агонизирует
это давно умершее
вечноживое
вечнообновляющееся
круговращение
чудо вечномертвого тела

за что господь ниспослал нам благодать такую
вернув в продажу НА НАТУРАЛЬНОЙ ОСНОВЕ
счастью своему поверить не в силах
вежды протираем мы и трепещем
ходили мы слипшиеся НА СИЛИКОНОВОЙ ОСНОВЕ
к земле приклеенные дыханием вязким
в силиконе увязшие без зазора и зазубрины
мыслями сросшиеся с силиконовым скольжением богомерзким
а ныне в быт наш возвернулось НА НАТУРАЛЬНОЙ ОСНОВЕ
снизошел господь распростер руке свои и щедро подарил
никак вериги наши службу сослужили
да не зря ворочали мы валуны бессмысленные
что наслано было за наши грехи несомненно
ничем иным не могло быть НА СИЛИКОНОВОЙ ОСНОВЕ
но господь всевелик всемогущ и всевидящ
велика наша радость что бием себя в грудь неистово
возлюбили долю мы свою не скрепя сердце
ибо воздашесь нам по кручине нашей
толоконные лбы звенят от поклонов
благодарим мы тебя неустанно
губы трескаются от поцелуев твоих господь
губы трескаются от пластмассовых губ бога

а кто прочитает
у кого же руки дотянутся
по ветру разносится
кто за хвост поймает
трухлядю и ворванью повокруг
как тут разглядеть
шрапнелью принесет и выпустит на сотом обороте
вокруг своей оси
кто уж тут извернется да успеет
а у кого лихость да оборот превысят
кто исхватить и сложить успеет
кто прочитает — с лица спадет
начиная с левого глаза, что первым завалится
кто прочитает — скукожится и боле не распрямитя
кто прочитает — дурной думой изойдетя
кто прочитает — черной известью погасится
проваливаясь все дале головой
в трубу проволочную каркас костьяк
проваливаясь летя нацеливаясь
приземляясь в комнате без дверей
с костьювым блондином на стуле
землисто улыбающимся
кощеебессмертно лоснящимся
стул предлагающим
«а теперь твой черед рассказывать»

Олесь БарлиГ

МОЛҮАНИЕ ЭЛЕН РИПЛИ

Воздух шершаво заходит внутрь
 Будто вомер стал муреной
 И ищет тепла во мне
 И что мои лёгкие для холодного воздуха
 Инкубатор?
 Гадко
 Как-то
 От этого.
 Я прежде всего
 Вавилонская башня красотостей:
 Душа (непреренно бессмертная,
 Если вынуть её
 И рассмотреть на ладони
 (А если не вместится?
 Уложить на софу!)
 Искрящаяся,
 Нет
 Не безлично-белая,
 А золотая,
 Как вино без бокала
 И всякой другой ёмкости.
 Как персиковое желе
 Застывшее
 И не принявшее формы),
 Так вот —
 Я душа,
 Вдохновение,
 Боль,
 То, что выскальзывает из клешней сравнения,
 Умелое пение
 (Для настроения,
 А не слушанья),
 Я радость,
 Стремление без сучка и зазора,
 Я благодарная
 Хорошо проделанная работа,
 Я слово «Нет», которое гладит,
 Я слово «Да», которое окунает...
 Разве после такого
 Можно стать Эллен Рипли
 И в себе ощущать
 Эту чужую
 Острую
 Жизнь
 С сердцем,
 Что крутится против часовой стрелки.
 С умом,
 Что не берётся огранки?
 Выдыхаю шершавую рыбу,
 А она,
 Вытекающая,

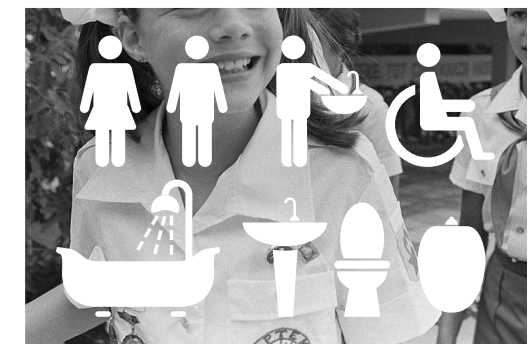
Рыхлая, мягкая,
 Неживая как вата.
 Как кровь, что раз в месяц
 Меня никогда не покидала.
 Растворятся,
 Убегает.
 Что в ней
 Моего
 Красивого?
 Осыпавшиеся кирпичи,
 Языки.

ПО ЩУҮҮЕМУ ВЕЛЕНИЮ

*«первый раз я увидел тебя на улице Дождя
 ты смотрела
 на небо»
 Максим Бородин*

Первый раз я увидел тебя в пионерлагере
 Ты смотрела
 На клумбу
 Мимо пролетали лица в веснушках
 Дети в панاماх
 Жаркие осы
 Ты стояла у тротуара
 И читала по настурциям
 Нашу судьбу
 Ты сказала
 Видишь
 Ту женщину,
 Это она,
 Это она,
 Сказала ты
 Я ловил нить твоего взгляда,
 Эту тонкую леску
 От зрачка до акации
 Неумелый рыбак —
 Не тянула
 Даже держала неловко
 Эту
 Покатую белугу
 С накрахмаленным лепестком поверх брюха
 Были
 И третий
 И десятый
 И сотый раз

Это она
 Говорила ты
 Я вёл тебя
 Худую и бледную
 И ты —
 Поплавок
 Замирала
 Почему я не войду в неё,
 Как входят другие
 Говорила ты
 А я обрывал эту леску
 Течением уносил дальше
 Хвостом своим щучьим
 Воронки закручивал
 Выбивал в воде углубления
 Напускал пузырьков
 Подолом чешуек плаща
 Отгораживал тебя
 От неё
 Похожей на Нину Усатову
 Женщины
 Вместившей когда-то
 Наших с ней матерей
 По обычаю

Таня Скарынкунa

НАД ПРОТОУНЫМ УМЫВАЛЬНИКОМ

Мне 30 лет
 в колготах я стою
 над умывальником в спокойном полумраке умывальни
 и замываю след от перочинного ножа

я плохо вижу пятна крови на боку
 очки остались в комнате
 где пьяный муж и молодой любовник расплескивают отношенья
 я им ничем уже не помогу

и умываюсь наугад
 почти вслепую
 над быстротечною водою
 ужасно хочется спать

мой муж срывается
 выстраивая сквозь потоки слез
 пионы-планы улучшения семейной дисциплины
 любовник промывает водкой царяпину своей голубки.

+ 38

О ДРАКЕ

Я место памятное стороной стараюсь обходить
 (между баром и магазином одежды)
 пришлось однажды драку наблюдать невольно
 (стоянка автомашин неподалеку)
 он ее колотил ослепленный яростью
 ревностью
 весенним солнцем
 (и детская библиотека)
 кричали что не разобрать
 прохожие разнимали
 но они что твои бойцовые петухи
 — Будешь еще будешь?
 — Буду!
 я встала между ними
 (тренажерный зал фотосалон)
 — Уйди!

.они соединили свои пути золотыми кольцами
 ноги друг другу греют в постели
 редко выходят
 (кинотеатр костел аптека).

ВРЕМЯ ПРЕСЛЕДОВАТЕЛЯ

Нас маньяк преследовал по дороге из школы
 девочки не замечали
 потому что преследовал он незаметно
 шел себе
 как ни в чем не бывало
 посвистывал руки в карманы
 возможно что по дороге он срывал и нюхал сиреневую веточку в мае
 не знаю
 не оглядываться же изображая РАВНОДУШЬЕ
 возможно
 он смотрел на ученическую форму над мало загорелыми ногами
 и почти не двигались надо всеми нами
 высокие облака
 но я-то почувствовала маньяка с первого шага
 он догадался что его раскусили
 поэтому когда в тот день как обычно как и во все остальные дни
 мы расстались на привычном углу
 он дал возможность справиться с дрожащей рукой
 вставить в замочную скважину ключ и войти в квартиру
 и только тогда позвонил
 и звонил и звонил и звонил
 в дребезжащий дверной звонок

.он почти раздавил для меня
 ростки представленья
 о прочности светлого времени дня.

ТЕНЕВАЯ СТОРОНА ЛЮБВИ

Внешний мир увечный
 здесь ты не найдешь
 миленькой подружки
 доброго дружка
 равновесья сердцу

.только нечто среднее
 на него похожее
 на нее подобие
 твердое незрелое
 изнутри холодное
 и малознакомое

.вроде улыбается
 сладкий поцелуй
 а за ним две тени
 может целых три
 а за нею щупальца
 и золой усыпаны
 острые следы.

+ 39

Настя Денисова

 женщина
 птица
 восход

новое разочарование номер раз
 иное ни о чём
 и живо

как разрешить себе использовать вообще все слова
 как всё расставить

активность миндалевидного тела
 влияет на восприятие времени

то что они делают
 это то во что они верят?
 и только так?

верю в свою страничку

счастливые согнутые руки
 и самое ценное остальное
 если на нём есть слова

испекла печенье в голове
 но сидела и сидела

не-я выбрал
 не-мы ушли
 мы ночевали
 чем это нам грозит

я тот что есть
 не до конца совпал
 с воображаемым собой
 и пр.
 я чересчур велик
 я слишком мал
 я суперпрост

измельчила гвоздику мускатный орех корицу и миндаль
 смешала с имбирём ванилью мукой
 разрыхлителем
 маслом сахаром
 сметаной мёдом
 молоком

 1

движение и результат

между
 ещё почти все живы

смотреть
 обонять
 обнимать
 понимать и не понимать

искать в себе героя

2

всё ясное
 и не на что отвлечься

вот и моя первая любовь
 вышла замуж
 фото в свадебном платье
 и новая фамилия

она не любит его

её новая фамилия с «е»

а у мужа и свекрови с «ё»
 необязательные точки
 но мы год просидели вместе
 на русском и литературе

таня написала про другое
 что это нормально
 это наше генетическое свойство
 от обезьян
 видеть точки в волосах и на теле
 у себя и партнёра

про искать насекомых

(я всё ещё боюсь
 этих увеличивающих зеркал
 в ваннных комнатах гостиниц)

что бы не происходило сохраняйте состояние покоя
весь
теперь назовите пять своих тайных личностей
тот кто общается
тот кто ведёт здоровый образ жизни
тот кто развивает новые умственные навыки
тот кто спит по ночам
по умолчанию женщины
та у которой есть миссия

вдох
ещё полсекунды
тут же исчезает из памяти
невидимые глаза

здесь я
там океан
и не записано

мария попросит разбудить её
когда мы найдём дельфинов
и уснёт под спасательным жилетом

когда мы встретим стаю дельфинов
их сто или больше
у нас в руках фотоаппараты
и я чуть не забываю смотреть не в объектив
а целиком

даже муж мари не сразу вспомнит про неё
они плывут
сейчас

сейчас

Ольга Ахметьева

ДЛЯ N и N (B.I.)

Пахнет выпечкой советской
У больницы 36
Первый порошок целебный
Весь маршрут приворошил
Как Толик или Кеша кручу колесо
Железного товарища
С Борисовской гудок
Секретного чая
Партиец завари
Да заводского хлеба
Не поленись, купи

как ты создашь рабочие места для таких как я
для таких как мы
какую тут можно задействовать схему
мы выпускаем газету?
писательницы, иллюстраторки, фоторепортерши — но что делать
просто матерям?
рабочие места для художниц — а что для фотографов женского пола?
иди и снимай — как сказал мне один паренек с дредами — бытописатель гонконга
и прочих славных местечек
витрин прохожих карнизов
выразительных лиц — такой фототуризм фотоканнибализм
иду и снимаю стесняясь мозгами
в памяти остаются лица собак кошек
котят спящих на куске картона
а позже на смену котят приходит владелец собаки болящей
она лежит вытянув свою морду вперед на земле
той самой за которую хозяйка кричала на меня — что глупо таких бояться
так — монстр заболел
как ты говоришь — чувство вины и корректность перед властью?
никакого чувства вины — только вежливость — это максимум
я помогаю бедным или никому. они помогают мне.

Рабочие симпатичней служащих
Бомж один другого краше
Рыба лучше чем курица
Осторожно окрашено
Снег припорошил пейзаж
Лед крив а коньки дешевы
Каждый день новый приказ
Новый счет в ящике почтовом
В речи много звуков ч ш щ и прочих
Кусаящих
Собака бежит на одном дрожже
Холод и жар стены кусающие
С разных сторон взираем на мир
Все-таки тепло и квартира отдельная
Был ли смысл писать тот укол
Или копить девайсы отдельно
Складывая их теряя носители
Копители информации
Кто станет смотреть твой архив
Одна профанация

ПАМЯТИ СТАРОЙ КРОВАТИ

Еще на старой кровати
 Мы занимались любовью
 Или как там оно называется
 Я смотрю на женщин в маршрутке
 Одна кладет голову на плечо другой
 Им лет по 40 и они друг друга понимают
 Маловероятно что они спят вместе
 На них кофточки в стиле 80-х
 И эта маршрутка развозит женщин в сторону Большой Почтовой
 Дома есть муж и сыновья
 Кухня с новой плитой
 Она снимает свое золотое ожерелье
 Одевает фартук
 Ничего больше
 Почти несуществующая нежность
 Почти как у нас
 Когда мы просто лежали рядом
 Соприкасаясь боками тел как тюлени
 Выброшенные из моря смерти на сушу

 только мне кажется что времени мало
 у меня все время болит голова
 я повторяю одни и те же слова
 я наблюдаю тело
 что такое за белый шум?
 белый шум
 тут вижу я одну трагедию
 все идет винтом
 ни чувства защищенности
 ни надежд
 только мальчишки в пруду кричат
 матом
 матом
 матом

Елена Сунцова

 Вино непривычно холодное
 Надену-ка что-нибудь модное
 На улицу над океаном
 С желтеющим осени краном

 И выйду из дома замшелого
 Под властью чего-нибудь смелого
 Внутри батарея теплеет
 Вовне понимание зреет

Ликующих листьев конвертики
 Как первые новые смертики
 Того что сама охлаждала
 Ошиблись тугие лекала

Поймаю небесные шарики
 Возьму с придыханием на руки
 И дерево вспыхнет терновым
 Привычным неношеным словом

 Долго ли коротко пой же Маруся
 Ты отравилась наотмашь и разом
 Пой неспроста ты любила Карузо
 И отвечал тебе страстью Некрасов

Ноты простые разбухшая щечка
 Нежность проходит судьба остается
 Мог быть щеночек и ария дочка
 Спать не дает видишь все же нейметса

Вот он очнулся по первой старинке
 Сгрябчил тебя и себя взбуктетенил
 Ну так шагай по осенней Ильинке
 Бремом Линнеем угасших растений

 Как в чикагском мыльном пузыре Миллениум-парка
 Отражаются все мои непрожитые жизни,
 Как неверная ось астигматизма
 Делает меня на один глаз слепой,
 А на другой ясновидящей,
 Как я жалею, что не осталась,
 Что я осталась,
 Я не жалею.

Если ты пишешь о боли - тебе не верят,
 О счастье - не верят тем более,
 Надо писать о руке,
 Взмах которой делает тебя ликующим комом горя,
 Описывать эту руку, какой она была -
 Тоненькой, полной, мускулистой, смуглой, бледной,
 С кольцом на пальце, следом кольца
 Или без намека на какие бы то ни было кольца,
 Отталкивающей безоговорочно или манящей,
 Манящей, точно.

Описывать звуки, запахи того утра, того дня,
 Который начался сто лет назад в городе,
 От которого остались только газеты и аллергия на пыль,
 Сегодня, да, сегодня я опоздала в библиотеку,
 А те радость встречи и боль расставания
 Никуда не делись,
 Как никуда не делся мыльный пузырь,
 Просто пузырь, сияющий и дурацкий,
 Смотри, над нами.

 Маленький белый кораблик
 Ищет, куда бы пристать,
 Уменьший глупенький траблик
 Думает, где бы настать.

Пристань какую-то вижу,
 Будут ли рады мне там?
 Сердцу какому-то выжгу
 Я за отвагу медаль.

Кто-то спешит мне навстречу,
 Видимо, это и есть
 То, что сперва не замечу,
 Чем завершается песнь.

сведения личного характера

Полина Андрукович (1969) Окончила ВГИК как художник анимационного фильма. Участвовала в коллективных выставках, провела три персональные выставки в Москве, первая из которых прошла в Москве в 1998-м. Публикации в антологии «Очень короткие тексты», альманахах «Вавилон», «Авторник» и др., три книги стихов — в издательствах «Арго-Риск», «Русский Гулливер» и «НЛО» Первая книга вышла в 2004 году. Лауреат премии «Различие» (2015).

Ольга Ахметьева (1976) Родилась в Москве, тут и живу. Основные вехи — Ян Сатуновский и Анатолий Маковский, на рукописях последнего сидит мой отец и не печатает. Последние семь лет — феминизм и сотрудничество со стигматизированными группами. Образование художественное. Также занимаюсь социальной фотографией и преподаю детям.

Олег Барлиг Родился и живет в Запорожье. Работает журналистом на местном ТВ. Член литературного клуба «99». Пишет стихи, прозу и пьесы. Участник нескольких антологий. В паре со Станиславом Бельским составил сборник современной Приднепровской поэзии «Гимн камышовых мальчиков», вместе с Ириной Шуваловой и Альбиной Подняковой антологию квир-поэзии «120 страниц Содома». Стихотворения переведены на польский, словенский и английский языки.

Оксана Васякина (1989) Поэтесса, прозаик, перформер, куратор. Родилась в городе Усть-Илимске Иркутской области. Жила в Новосибирске, Астрахани, Алма-Ате. Студентка Литературного Института им. Горького, живет и работает в Москве. Публикации в журнале поэзии «Воздух», на сайте «Новая Литературная Карта России», сетевом журнале «TextOnly». Лонг-лист премии «Дебют» (2013), лонг-лист премии им. Аркадия Драгомощенко (2015). Куратор «Недели молодой поэзии в Москве» (2013 год). Участница поэтического вечера «Поэзия и Феминизм», вошедшего в цикл вечеров «Поэзия в зале» (2015).

Анна Глазова Поэт, переводчик, литературовед в области немецкой и сравнительной литературы, защитила диссертацию о поэзии Осипа Мандельштама и Пауля Целана в Северозападном университете (США). Автор четырёх книг стихов, «Пусть и вода» (2003), «Петля. Невполовину» (2008), «Для землеройки» (2013) и «Опыт сна» (2014). Премия Андрея Белого за книгу стихов «Для землеройки». Стихи переводились на английский, французский, польский, болгарский, сербский, украинский, китайский, латышский языки. Переводила на русский прозу Уники Цюрн, Роберта Вальзера, Франца Кафки, тексты Вальтера Беньямина и Франца Розенцвейга, поэзию Пауля Целана и др.

Елена Глазова (Рига, Латвия) Поэт, аудиовизуальный художник, принимает участие в международных выставочных проектах, фестивалях. Финалист латвийской литературной премии года в номинации «Ярчайший дебют» за первый поэтический сборник «Трансферы» (2013, издатель — «Орбита»), вторая книга «Plasma» вышла в 2014 на английском и эстонском в издательстве «Ragaioia». В 2014 вошла в сборник русскоязычной короткой прозы ПРОЗА/PROZA («Орбита»). Тексты переведены на латышский, английский, эстонский, польский, финский языки.

Елена Георгиевская (1980) Родилась в в Ярославской области, живёт в Калининграде. Лонг-лист «Дебюта» в номинациях «Крупная проза» (2006) и «Эссеистика» (2013), шорт-лист премии им. Астафьева (2010), «Нонконформизм» (2012) и др. Лауреат премии журнала «Футурум Арт» (2006), «Вольный стрелок» (2010). Участвовала в фестивале «СLOWWWO» (2012 — 2014) и контркультурных самиздатских проектах. Публикации: «Воздух», «Дети Ра», «Футурум Арт», «Литературная учёба», «Волга», «Волга — XXI век», «Нева», «Урал», «Сибирские огни», «Слова», «Остров», а также — в интернет-журналах «Полутона», «Пролог», «Знаки», «Новая реальность», «Новая литература», «Сетевая словесность», «Ergo Jougnal», в альманахе «Белый ворон», в коллективных сборниках и др. Книги: «Луна высоко», «Диагноз отсутствия радости», «Место для шага вперёд», «Хаим Мендл», «Инстербург, до востребования», «Форма протеста» («Franc-tireur USA», 2009), «Вода и ветер» («Вагриус», 2009), «Книга 0» («Franc-tireur USA», 2012). Тексты переводились на болгарский, литовский и словацкий языки.

Настя Денисова (1984) Родилась в Ленинграде. Автор поэтических книг «Ничего нет» (М.: АРГО-РИСК, 2006) и «Вкл» (М., АРГО-РИСК, 2010). Куратор Всероссийского Фестиваля лесбийской любовной лирики (СПб.—Москва, 2007—2008), соредактор поэтической антологии «Ле Лю Ли — книга лесбийской любовной

лирики» (М.: КВИР, 2008). Публиковалась в различных антологиях и альманахах. Тексты переводились на английский, итальянский и латышский языки. Живёт в Санкт-Петербурге.

Ануар Дуйсенбинов (1985) Поэт. Инициатор и организатор чтений Post Poetry в Астане, участник поэтических фестивалей «Сезыв» (2012), «Сезыв-2» (2013) и «Полифония» (2014) в Алматы, международного поэтического веб-фестиваля CoolCity (2014) и фестиваля «Дни Поэзии» в Риге, 2015. Выпускник Открытой литературной школы Алматы сезона 2013—2014. Публикация в подборке «Русская поэзия Казахстана» в выпуске №42 (2’14) сетевого журнала TextOnly, публикация в сетевом журнале Полутона, Ышшо Одын (№4, 2014).

Екатерина Захаркив (1990) Родилась в городе Магадан. С 1993 живет в Москве, в 2005 году закончила Архитектурную школу, в 2007 — общеобразовательную школу им. В.Г. Белинского, в 2015 году выпустилась из ЛИ им. Горького, на данный момент студентка магистратуры РГГУ (Институт лингвистики, филологический факультет). Публикации в альманахе «День открытых окон», на сайте Литературная карта России. Лонг-лист премии Драгомощенко. Переводы с английского языка. Участник поэтических чтений в рамках фестивалей современного искусства.

Дмитрий Зернов (1975) Поэт, социолог. Кандидат политических наук. Публикации в журналах «Волга», «Воздух», «Волга XXI век», альманахах «Urbi», «Золотой век» и др. Участник литературно-художественного интернет-сообщества «Полутона». Автор книги стихов «Глиняный поросенок и поросенок пластмассовый» (Нижний Новгород, 2012).

Гали-Дана Зингер (1962) Поэт, переводчик, редактор (совместно с Некодом Зингером) журналов «Двоеточие» и «Каракёй и Кадикёй». Родилась и выросла в Ленинграде. С 1988 года живет в Иерусалиме. Автор шести книг стихов на русском (позднейшая — «Точки схода, точка исчезновения», НЛО, М., 2013) и трех книг на иврите. Лауреат трех израильских литературных премий.

Дмитрий Кузьмин (1968) Окончил Московский Государственный Педагогический университет. Кандидат филологических наук. Главный редактор издательства «АРГО-РИСК», основатель Союза молодых литераторов «Вавилон», куратор многих литературных проектов. Автор переводов поэзии и прозы с английского, французского и др. Лауреат Премии Андрея Белого (2002) в номинации «За заслуги перед литературой», малой премии «Московский счёт» (2009) за книгу стихов «Хорошо быть живым».

Салтанат Казыбаева (1986) Образование: бакалавр русской филологии. Сфера деятельности: журналистика. Место проживания: Чикаго, США.

Татьяна Мосеева Поэт. Публиковалась в различных литературных журналах в России и за рубежом («Вавилон», REZ, «Книжное обозрение»), в антологии «Музыка и карусель» (Кемерово, 2004), «Братская колыбель» (Москва, 2004), «По непрочному воздуху» (Москва, 2005), «Полиграфомания» (2011, 2012) и др. Автор книг «Снежные люди» (2005) и «Близость» (2014). Участник фестивалей видеопоззии (2007—2009), фестиваля ЛГБТ-поэзии (2008) и фестиваля гражданской поэзии (2009). Стихи переведены на английский и китайский языки.

Лилит Мазикина автор считает, что биография — не нужна.

Ника Нейман Родился в постперестроечное время в Алма-Ате. «Мое глубокое убеждение состоит в том, что трансцендентный опыт важен не менее (а во многих случаях и более) эмпирического»

Ольга Передеро Поэт, переводчик. Родилась в Алма-Ате. Окончила литературные курсы ОФ «Мусагет». Принимала участие в Форумах молодых писателей России (2009) Казахстана (2012), в поэтических фестивалях «Сезыв» и «Полифония». Публиковалась в Казахстане (ЛХИ «Аполлинарий», сборник поэзии Казахстана «Крылья молодых»), «Литературная Алма-Ата», «Ышшо Одын» «Esquire», России («Воздух», сетевой журнал Полутона) и США («Reflect...Куадусещшт») . Живет и работает в Алматы.

Евгения Риц (1977) Поэт, литературный критик. Родилась в г. Горьком (Нижний Новгород), окончила Нижегородский педагогический университет, кандидат философских наук. Автор двух книг стихов. Публиковалась в журналах «Октябрь», «Воздух», «Новый мир», «Новый берег», «Волга XXI век», «Урал» и

др., в антологии «Братская колыбель», на сайтах «Сетевая словесность», «Молодая русская литература». Участник интернет-сообщества «Полутона».

Галина Рымбу (1990) Поэт, критик, независимый куратор. Родилась в Омске. Закончила Литературный институт им. Горького (поэзия). Магистрант Европейского университета в Санкт-Петербурге по направлению «социально-политическая философия». Стихи публиковались в журналах и альманахах «Новое литературное обозрение», «Транслит», «Воздух» и др., статьи о кино в журнале «Сеанс». Книга «Передвижное пространство переворота» (М., Арго-риск, 2014). Куратор Премии Аркадия Драгомощенко.

Таня Скаринкина (1969) Родилась в белорусском городе Сморгонь. Работала иллюстратором детских книг, почтальоном, журналистом. Печаталась в отечественных бумажных изданиях «Зорька», «Першацвет», «Немига литературная», «Маладосць», «Народная воля», в московском «Воздухе», в журналах «Крещатик» (Германия), Лава (Украина), «Аналогон» (Чехия), «Сибирские огни» (Россия). Публиковалась в сетевых изданиях «Полутона», TextOnly, «Двоеточие» и др. Вышли два стихотворных сборника: «Книга для чтения вне помещений и в помещениях» (Минск, «Книгазбор», 2013) и «Португальские трехстишия» (Нью-Йорк, «Айлурос», 2014). Стихи переводились на иврит, на польский, чешский, итальянский и английский языки.

Елена Сунцова (1976) Родилась в Нижнем Тагиле. Жила и училась в Санкт-Петербурге и Екатеринбурге. С 2008 года живет в Нью-Йорке. Автор девяти книг стихов. Главный редактор издательства «Айлурос».

Дарья Серенко Выпускница Литературного института им. Горького. Лонглистер премии «Дебют», премии А. Драгомощенко (2014, 2015). Сокуратор проекта «Новая поэзия в Литературном институте» и проекта «Бродячие лекции в Летней Читальне». Публиковалась в журнале «Воздух», «НЛО», «Полутона». Участница фестиваля «Пушкинские лаборатории», «Лубок к Родине», фестиваля университетской поэзии, со-организатор фестиваля «Неделя молодой поэзии в Москве».

Жанар Секербаева Родилась в Акмолинской области, в городе Атбасар. Закончила ЕНУ и МГУ (журналистика). С 2000 года пишет для газет, журналов, онлайн-порталов. Занимается гендерными исследованиями в Европейском гуманитарном университете в Вильнюсе. Собирает библиотеку из философских, искусствоведческих, литературоведческих, социологических (гендер в первую очередь) книг, чтобы осуществить свою мечту — открытую библиотеку. Любит кота, кино и мотоциклы. Участник проекта “Феминита”.

Зоя Фалькова (1982) Современный художник, родилась, живёт и работает в Алматы. Студентка семинара поэзии в ОЛША 2013-2014 и 2015-2016 гг. Участник поэтических чтений в рамках литературных фестивалей в Алматы (Казахстан) и Гоа (Индия). Публикации в сборнике «Большая Перемена» и интернет-сообществе «Полутона».

Фридрих Чернышёв (1989) Родился в Донецке. Учился в Донецком медицинском университете, в настоящее время живёт в Киеве. В 2013 году дебютировал в «TextOnly» как переводчик поэзии с немецкого и украинского языков.

Алексей Швабауэр Родился в Алма-Ате. В 2001 году окончил Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов по специальности: «искусствоведение». Работал в галереях Алма-Аты, координировал интернет-галерею по продаже произведений искусства в ОФ «Мусагет». В 2002 году окончил литературный семинар Ольги Марковой. Участник II фестиваля поэзии «Созыв», слэмов. Публикации в журналах «Аполлинарий», «Цирк «Олимп»+TV, «Новая реальность». на интернет-ресурсах: TextOnly, «Полутона». Занимается издательской деятельностью.

Лида Юсупова Родилась в Петрозаводске, Россия. Автор трех книг стихов «Ирасалимль» (СПб.: Петропресс, 1995), «Ритуал С-4» (М.: Книжное обозрение (АРГО-РИСК), 2013), «Dead Dad» (Тверь: Kolonna Publications, 2016) и книги прозы «У любви четыре руки» (М.: Квир, 2008; совместно с Маргаритой Меклиной). Публикации: антология «Освобожденный Улисс. Современная поэзия за пределами России», сборники «Ле Лю Ли», «Лесбийская проза», «Русская гей-проза», журналы и альманахи «Воздух», «Митин журнал», «Двоеточие», «Urbi», «Остров» и др. Стихи переведены на английский, чешский, иврит, польский. Живет в Белизе, Центральная Америка, и в Канаде.

ОТ СОСТАВИТЕЛЬНИЦ

ПОСЛЕСЛОВИЕ

«там на земле я женщиной считался / Но только что заговорю стихами / Вот как сейчас сию минуту с вами / Немедленно в мужчину превращался»

*З. Гиппиус, «Последний круг»
(И новый Дант в Аду)*

Констатируя очевидное, можно сказать, что данный выпуск ЫШШО ОДНОЙ посвящен литературным репрезентациям гендерных различий и таким образом — вопросу о культурных механизмах производства и распределения власти. Тема слишком широка для поэтической газеты, но мы, тем не менее, считаем нужным обратить внимание на простой факт: литература организована как сеть институций (пусть сколь угодно малых и эфемерных), а значит, творческий акт — это всегда действие в социальном поле, имеющее политическое измерение. От чьего имени пишет писатель, для кого читает поэт, кто заинтересован в работе издателя и критика? И почему, собственно, принято использовать мужской род для именованя упомянутых фигур?

Доминирующий стереотип заставляет нас думать, что такие составляющие идентичности, как гендер, раса или класс не должны влиять на наше восприятие произведения: картины или стихи бывают хорошие, бывают плохие, независимо от того, кем и в каких обстоятельствах они были созданы. Подобный взгляд может казаться прогрессивным, ведь разве не гуманно рассматривать все человечество как «просто людей», не деля на женщин и мужчин, образованных и неграмотных, черных и белых? К сожалению, именно такая благодушная позиция способствует маскировке и стабилизации тех неравенств, которые встроены в современные механизмы распределения культурных доступов. Подобная слепота в отношении различий склонна обесценивать опыт угнетенных групп и борьбу миноритарных сообществ, сопротивляющихся ассимиляции. Наконец, она свидетельствует о романтическом понимании таланта как врожденного мистического свойства, присущего человеку вообще, независимо от особенностей конкретного общественного устройства с его экономикой, конвенциями, регламентирующими

ритуалами и распределением статусов. Подобный идеализм открывает большой простор для расистских и сексистских фантазий о том, что равные права и возможности для всех — это нечто несовместимое с мироустройством. Простой вопрос Линды Нохлин — почему, собственно, в истории не было великих женщин-художниц? — вскрывает те неявные патриархатные допущения, которые содержатся в универсализирующем взгляде на творческое дарование как на некую природную данность. Эти допущения настолько глубоко вплетены в ткань культурных традиций, что нам кажется вполне «естественным», например, неприятие Цветаевой слова «поэтесса» как принижающего ее высокое дарование «поэта», или стремление альтер-эго Гиппиус связать именно мужскую свою сторону с возвышенным (поэзией), оставив стороне женской прозу повседневности (см. эпиграф). Снисходительная андроцентричность большинства литературных традиций, по умолчанию заключающих писательниц в гетто стиливых и тематических рубрик, выражена столь явно, что вряд ли нуждается в дополнительных подтверждениях. Мы были воспитаны на литературном каноне, отражающем опыт привилегированных социальных групп, и каждая попытка соотносить его со своим собственным вызвала страннный эффект из смеси узнавания и неузнавания. С возрастом неузнавание стало превалировать, принося с собой понимание того, что культура — это не столько абстрактная сфера возвышенного, сколько инфраструктура, функционирующая на основе исключения наименее защищенных, и это незаметное и систематическое исключение сегодня уже не может быть легкомысленно оправдано отсылками к природе или традиции. В свете вышесказанного, антипериодическое издание с «нерусским» названием ЫШШО ОДЫН кажется нам важной деталью местного интеллектуального ландшафта. Как и любой самиздат, оно обозначает, во-первых, неблагоприятный культурный климат, где современность со всем ее разнообразием художественных языков вытеснена в область частной самодетельности, во-вторых — растущее осознание того, что искусство и литература существуют внутри отношений власти, а значит, выбор между ассимиляцией и автономией (то есть между соглашательством и

сопротивлением) стоит перед каждой участницей процесса. В этом смысле наша нынешняя «полуподпольная» ситуация мало чем отличается от советской. Но если в брежневские времена давление было экплицитно идеологическим, то сегодняшняя правящая идеология (которую мы обобщенно обозначаем как патриархатную) уже не прибегает к теоретическим аргументам, беззастенчиво подкрепляя свой вечный императив о сохранении статус-кво практиками принудительной нормализации. Неудивительно, что в такой ситуации гендер и сексуальность становятся маркерами, с помощью которых конструируются образы «чужих» или «низших людей», современных унтерменшей. В эту категорию попадают не только женщины, но и вообще все разнообразие тел и субъективностей, отличающееся от архаической гетеромаскулинной нормы. Таким образом, заявить сегодня о своей идентичности как о несовпадающей с официально одобренным каноном из дела сугубо личного в очередной раз превращается в политическое — независимо от того, совершается ли оно на территории искусства или литературы, в масс-медиа или просто на улице.

Здесь этот вполне скромный кураторский жест сопровождается почему-то несоразмерным послесловием. Было бы прекрасно, если бы никакой необходимости в нем не было. Наши резоны понять нетрудно: в обществе, где деполитизированность и благостная нейтральность являются идеалом

высокой культуры (с большой буквы «КУ») любые высказывания, окрашенные в квир-феминистские цвета, нуждаются в развернутых обоснованиях, так как не являются легитимными ни в широкой сфере официальной культуриндустрии, ни в узких кругах интеллигентского андеграунда. Попытки обособить свою речь от потока авторитетных фраз здесь будут восприняты с обычной долей неприятия, иронии и снисходительности. Тем не менее, мы имеем дело с ышшо одной такой попыткой.

Мария Вильковская, Руфь Дженрбекова
Креольский культурный центр
Алматы, 2015 — 2016

NAD НОМЕРОМ РАБОТАЛИ

Идея — Павел Банников, Иван Бекетов

Дизайн макета — Павел Банников

Вёрстка — Зоя Фалькова

Художник — Зоя Фалькова

На обложке — Татьяна Антошина. Олимпус. Из серии «Музей женщины». 1997
(с разрешения автора)

Составление и редакция —

Мария Вильковская, Руфь Дженрбекова

ВСЕ АВТОРСКИЕ ПРАВА СОХРАНЯЮТСЯ ЗА АВТОРАМИ ТЕКСТОВ И ФОТОГРАФИЙ
ТИРАЖ 99 ЭКЗЕМПЛЯРОВ
ОТПЕЧАТАНО В ТИПОГРАФИИ «ЛЕГЕНДАРНОЕ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО ШВАБАУЭРА»
АДРЕС: Г. АЛМАТЫ, УЛ. 1000 ЛЕТ АЛМАТЫ Д.00